

Карина Сарсенова

Жранители пути

Карина Сарсенова

Хранители пути

«Грифон»

2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Сарсенова К. Р.

Хранители пути / К. Р. Сарсенова — «Грифон», 2014

Высокое литературное мастерство и яркие жанровые новации отличают произведения Карины Сарсеновой, известной казахстанской писательницы, уверенно покоряющей постсоветское пространство, страны Ближнего и Дальнего Зарубежья. Ее книги отмечены рядом авторитетных почетных дипломов, получили положительные отзывы от взыскательных критиков и даже... сценаристов. Сюжет новой книги Карины Сарсеновой отличается насыщенностью и динамизм: неслучайно по ее сценарию, легшему в основу этой книги, снимается полнометражный фильм – в проекте задействованы звезды и творческие силы Казахстана, России и Польши. Более того: Американская гильдия сценаристов определила, что канву этого сценария, написанного Кариной Сарсеновой, ранее никогда не использовали в кино! Это и фэнтези, и глубокая философская проза, и немного мистики... а самое главное – талант и сплав литературных традиций России и Казахстана. Для ценителей хорошей литературы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Сарсенова К. Р., 2014
© Грифон, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Карина Сарсенова

Хранители пути

© Сарсенова К., 2014

* * *

Посвящается моему обожаемому сыну Рашиду

Глава 1

Конец и начало

Мир взорвался. Его осколки впились в ее тело и теперь раздирали на части обезумевшую от ужаса душу... Крик вырвался из погибающего сердца и рассеялся в грохоте распадавшейся внешней жизни... Оглушенная, она потеряла сознание, но не нашла в забвении желанного спасения – и в глубине ее души звучала все та же адская музыка.

– Что тут у нас? Еще одна отключилась! – голос доносился издалека, просачиваясь сквозь туман окутавшей ее бессознательности. Она хотела затеряться в нем, забыться и быть забытой навсегда, но чья-то грубая воля вмешалась и выволокла ее наружу. Открыв глаза, Меруерт обнаружила себя сидящей на полу рядом с пустым сиденьем. Жесткие мужские руки больно схватили ее за плечи, встряхнули и заставили вернуться на покинутое место.

– Спасибо, – без тени благодарности тихо вымолвила она, то теряя, то находя себя в потоке вновь обрушившихся на нее впечатлений.

О, Боже, она и не знала, что ад может быть не только огненным, но и звуковым... То, что выходит за пределы нашей терпимости – вот что такое квинтэссенция подлинного страдания! Невыносимый шум заполнял все вокруг, рывками тащил сознание в омут первобытного ужаса, раздираал беспомощное тело в клочья, давил и изничтожал каждую его клеточку... Или это столь громко стучало ее собственное сердце?

Снаружи вконец осатаневший ветер с беспощадной целеустремленностью дробил на атомы бестолковую вертолетную конструкцию. Или же это железная коробка с пропеллером разрушала себя сама, столкнувшись с категорически не подчиняющимся ей характером воздушной стихии?

Меруерт с тоской смотрела в синее небо, крохотным лоскутком дрожащее в запыленном, покрытом следами давнего дождя маленьком иллюминаторе... Легкие облачные перышки не заслоняли, а подчеркивали простирающуюся за ним сияющую бездну, в которой так жалко барахталась якобы надежная летающая машина... Якобы летающая... Что ж, человек, как никакое другое существо на Земле, умел подменять истину иллюзиями и со всей страстью необузданного бессознательного предаваться им... Страх, острыми пиками черных скал медленно, но неостановимо поднимающийся из плотного тумана тревоги, впивался в прячущееся в нем сердце холодными хищными зубьями и заставлял ощутить иллюзорность данного полета. Она не чувствовала полета в безжизненной тяжести этой машины, которая должна быть на земле, как и сама Меруерт... Не добровольно, хотя и по своему выбору, она зависла между небом и землей, между открытым и закрытым состоянием своей души...

Поток чувств и мыслей оборвался слишком резко, безо всякого предупреждения, и девушка подпрыгнула, в подспудном энтузиазме желая догнать ускользающее от нее, пусть и неприятное, но уже обжитое и оттого безопасное состояние гнетущего беспокойства. Попытка, конечно же, провалилась: вернуться в отжитое мгновение не удалось, но зато получилось, хотя и против воли, полностью погрузиться в проживание нынешнего момента. Резкая боль в языке, усиленная соленым привкусом собственной крови, соединилась в ее восприятии с чрезмерно повелительным, сильным хлопком по плечу в единое неудобоваримое целое – кто-то грубо ворвался на неприкосновенную территорию ее личного пространства, ее души, всегда столь тщательно оберегаемой от любых поползновений извне. Сколько Меруерт себя помнила, ей неизменно нравилось ощущение жизни внутри некоей раковины, створки которой она могла открывать или закрывать по своему усмотрению. Жить за тяжелой броней многослойно окаменевшей самозащиты было куда надежнее, чем довериться восходящему порыву теплого ветра,

сбросить с плеч замшелую архаичность былых представлений и взлететь... Взлететь навстречу солнцу. Чтобы воплотить созревшую к реализации мечту.

Но вместо солнечного света ее окатила черная волна ярости. Кто смеет заставлять ее делать то, к чему она не готова?! Морщась от боли, готовая выплюнуть ее в лицо обидчика кровавым месивом из гнева и страха, Меруерт подняла голову и уперлась взглядом в лицо склонившегося над ней мужчины. Негодование, раскаленной лавой бурлившее в ее душе, вдребезги разбилось о холодный отстраненный взгляд чужих светло-голубых, почти бесцветных глаз. И этот взгляд, присущий любому человеку, одновременно влюбленному в свое дело и абсолютно равнодушного к людям вокруг, испугал ее больше всего того, что неистово пугало раньше. И, как ни странно, именно этот страх оказал столь необходимое отрезвляющее воздействие. Страх, порожденный преобладанием опасно чуждой и опасно близкой воли. Страх, возникающий при проживании прямого взаимодействия с заведомо сильным и враждебным существом.

Мужчина, одетый в выдавший виды некогда оранжевый комбинезон, что-то говорил, уверенно удерживая свое мощное тело в нестихающем потоке вибраций, грохота и гула. Открыв рот, она с благоговейным ужасом взидала на него снизу вверх: немыслимо, он может жить среди этого хаоса! Слова тонули в беспощадном шуме, захватившем крохотное пространство кабины вертолета, до которой неожиданно быстро сжался мир Меруерт. Ни звуков, ни жестов, – но этот ледяной обжигающий взгляд точнее всего передавал смысл произносимых им слов. Мужчина звал за собой. Отказа ему в этом мире, в его мире, просто не могло быть.

– Пора! Вставай! – не услышала сквозь шум двигателей, но прочитала она по губам, чьи движения подтверждали выражение нацеленных на нее глаз. Губы, удивительно женственные для такого брутального типа, четко произносили ставшие привычными приказы.

Подчиняясь внезапно очнувшемуся инстинкту самосохранения, Меруерт ухватила за надежду, солнечным зайчиком промелькнувшую в ее сердце в ответ на неожиданную мягкость мужских губ... Но, как часто бывает, внешняя форма не отражала внутреннего содержания. Пронзительный взгляд голубых, как бушующее за окном небо, и таких же бездонных глаз, взгляд, направленный прямо на нее, и пригвождал к месту, и сгонял с него одновременно.

«Подчиниться и бежать», – одна краткая парадоксальная мысль, даже не мысль, а скорее глубинное ощущение, коснулась души и тут же улетела прочь, встревоженная физическим прикосновением. Мужчина снова хлопнул ее по плечу и жестом велел подняться. Не осознавая противоположности раздражающих ее побуждений, слишком погруженная в происходящее, Меруерт вздохнула, встала и неуверенно, словно вслепую, подчиняясь чужой воле, двинулась вслед за инструктором. Сама того не понимая, она доверилась золотистому солнечному проблеску, мелькнувшему в глубине его взгляда... Все же он был не абсолютно холодным.

Небо кружилось в вертолетном люке, взбиваясь в воздушную пену равномерными ударами металлических лопастей. Ветер бросился ей в лицо – то ли в яростной попытке прорваться в салон и разнести его в пух и прах, то ли в стремлении уничтожить только ее одну... Инструктор подбадривал криками, разлетающимися на обрывки звуков в воздушном шторме, ветер и металл рвали на части мир вокруг... Мир, бывший мгновение назад абсолютно чуждым ей, сейчас вдруг стал родным и единственным пристанищем. Отчаянно борясь с наплывом тошнотворного страха, Меруерт, разрываясь между инстинктивными желаниями остаться в салоне и подчиниться более сильному существу, неуверенно сделала следующий шаг за оранжевым комбинезоном и склонилась над отверстием в полу. Нет, не склонилась, а лишь бросила туда свой первый робкий взгляд. И тут же бездна из люка выпрыгнула ей навстречу, оглушила неисчерпаемой, невозможной тишиной, ухватила внимание и поволокла за край привычного ей мира – в неведомые и грозные просторы...

Шум двигателей, рев ветра, крики инструктора – все потонуло в этой запредельной тишине... И только в сей момент просветляющего сравнения Меруерт узнала, какая бездна

страха скрывалась в ее душе. Страх, почуяв в небесной бездне союзника, обрел невиданную прежде мощь. Все защиты, день за днем возводимые ее психикой, не желающей открывать душе доступ к осознанию себя самой, все эти двери и решетки, заборы и стены, вся вроде бы надежная броня убеждений и привычек рухнула в одно мгновение. Бездна ее страха, слившаяся с запредельной небесной безграничностью, стала тем новым бесконечным миром, в который заглянула Меруерт из мизерности своего мирка...

Но и он сохранял немалую власть над ней. Ошарашенная, столкнувшаяся с неведомым прежде ощущением, она изо всех сил отстранилась от него, отскочила, отпрыгнула как можно дальше... В физическом плане словно ничего и не произошло: Меруерт осталась стоять на том месте, где и стояла. Впаянная живой статуей в урчащий и стонущий металл под ногами. Такой одновременно незыблемый и хрупкий... В духовном же плане, отдавшись неудержимому порыву отдалиться от стремительно надвигающейся внешней бездны, она провалилась в бездну внутреннюю... Столь бесформенную и текучую... Внешнее перестало существовать для нее, отдавшейся во власть раскрывающейся сути. Статуя с замершим, но не погасшим блеском в глазах – таковой предстала она для покинутого ею мирка. Оставив в нем свою физическую оболочку, она вошла в ожидающее ее Иное.

– Эй, детка, не хочешь прыгать, освободи место для других! Сядь! Да отцепись ты от поручней! – насмешка в глазах инструктора сменилась негодованием, а затем недоумением. Попытка силой разъединить металл и плоть человеческих рук ни к чему не привела: девушка никак не реагировала на его действия. Она больше не подчинялась ему. Инструктора, как и прочих людей в вертолете, для нее уже не существовало...

– Если ты не прыгнешь, вся группа не прыгнет! – буря эмоций бушевала во взгляде мужчины, с трудом переносящего позор постигшей его бессильности.

– Давай, чего встала на проходе! Сядь на место! – голос мужчины задрожал от нескрываемой ярости. Угроза срыва прыжков и взбучка со стороны начальства волновала его меньше, нежели потеря самоуважения – он, профессионал с огромным стажем, не справился с какой-то хилой, насмерть перепуганной девицей! Он, под чьим руководством в небесную бездну шагнуло несколько сотен человек, не совладал с упрямством слабовольной дуры, неадекватным поведением доказавшей правильность его презрения к женщинам и лжемужикам, которые делают все, что угодно, но только не настоящую, положенную высоким тестостероном в горячей крови, мужскую работу... Что толку ожиревшим слизнем, втиснутым в дорогой костюм, вяло ползать по офису и тупо пялиться в экран монитора! Экстремальный драйв, адреналин, небо, каждодневное заглядывание в бесстрастные глаза таящейся в нем Смерти или запредельной Жизни – вот удел настоящего человека!

Холодные жесткие пальцы впились в мягкие руки Меруерт, вопиющим безмолвием застывшей посреди адского грохота. Надо же, сотню раз был прав учитель тайцзицюань, под наставничеством которого он осваивал это сложное боевое искусство: мягкое и слабое неизменно побеждает сильное и жесткое... Хилые, сотканые из сплошных эмоций девичьи руки оказались ничуть не податливее безжизненного стального поручня, нагретого их теплом... К тому же – эта нечеловеческая непреклонность, отчетливо проявившаяся во всем ее теле, воплощенная в его неподвижности. О, да, иногда «выражение» спины человека гораздо информативнее его взгляда, хотя глаза и являются зеркалом души.

Движимый непонятным побуждением, скорее стараясь выйти из зоны восприятия ее спинной непреклонности, инструктор обошел замершую девицу и заглянул ей в лицо. И сразу же отшатнулся, чуть ли не побежал назад, настолько неожиданным было чувство, схваченное им в ее взгляде. Там, в этих немигающих, широко распахнутых карих глазах, бурлила и бушевала Жизнь, та самая Жизнь, которую он привык чувствовать и проживать, хотя и косвенно, только в затычном прыжке в небесную бездну. А тут – ничтожная, жалкая девка, из страха впавшая в клинический ступор, не только коснулась столь драгоценной для него,

посвятившего небу все сознательные годы жизни, области неведомого бытия, но и осмелилась погрузиться в нее полностью!

Ярость, вскипевшая в нем шквальной волной в ответ на собственное бессилие, тут же разбилась о монументальную непреклонность иллюзорно слабого, а потому и непобежденного человека... Гнев откатился назад и затопил его сердце тлеющим сумраком мстительного вождения. Распахнув кабину пилота, он смачно бросил в нее пригоршню злобных слов.

Как легко разжечь негативное переживание в душе человека! Повести его за собой, зацепив на крючок страха, гнева, обиды... Однако наиболее эффективный инструмент для манипулирования чужой (и своей тоже!) волей – гордыня. Это поистине универсальное чувство, обладающее феноменальной способностью мимикрировать под любое проявление человеческой души – и положительное, и отрицательное. Пообещайте другому (и себе!) то, чего хотите больше всего, а особенно то, о чем только мечтаете, подкрепив обещанное постулатами о превосходстве человека (и себя!) над остальными братьями по разуму... И – вуаля! Желаемый результат достигнут – жертва проглотила наживку. Для ее послушного следования за вашей зад... извините, спиной, ей необходимо лишь регулярно получать подтверждения собственной недостигаемости для простых смертных. Но вы ведь не откажете ей в этом прянике, не правда ли?

Спустя пару минут из кабины выбрался мужчина в мятой серой куртке, с привычно недоброжелательным выражением лица. Недовольство столь естественно гармонировало с его физиономией, растекаясь по ней немногочисленными, но глубокими ранними морщинами, залегая в них угрюмыми тенями, что казалось, будто он и родился на свет именно с таким вот выражением. А может быть, он входил в органику своей новой оболочки уже с соответствующим его физиогномике настроением.

Противостояние миру, пассивное неприятие всех его проявлений явственно читалось в наглухо враждебном взгляде. Понимающе кивнув инструктору (понимание у таких людей обычно начинается и заканчивается в зоне совпадения их и соседнего мировоззрения), он быстро оглядел узкое пространство салона и кивнул еще раз, словно подчеркнул свое участие в происходящем. Затем решительными шагами, почти не качаясь на вибрирующем полу вертолета, пересек его утробу и единственным сконцентрированным толчком выпихнул живую статую из люка.

Кажется, несправедливо часто разрушительная мощь отрицательных сторон жизни берет верх над ее положительными аспектами! Хаос рушащегося распорядка вещей, их взаимосвязей и всей картины мира в целом – невероятно высокая плата... За что? За созидание нечто более гармоничного и качественного? Разве стоимость этих перемен к лучшему, выплачиваемая почти насильно, действительно высока? «Почти» – потому что все мы подсознательно не просто ждем, а жаждем этих перемен...

– Слышь, Олег, что-то мне не нравится вся эта ситуация. Зря мы ее силком вытолкали, – расстегнув ворот комбинезона, инструктор вытирал с шеи холодный липкий пот – физическое свидетельство матеряющего в душе страха.

– Брось, Нат. Не парься по пустякам, – нескрываемое злорадство пилота тупой бритвой резануло по сердцу. – Она же на «отлично» у тебя все обучение прошла. Справится. Шок после прыжка вернет ей активность. Обычная трясучка перед первым полетом. У баб всегда трясучка на все первое.

– Так-то оно так... – массируя занывшую левую руку, озадаченно возразил Натан. – Но что-то здесь по-другому складывается. Ты, кстати, не заметил, где она села? Парашют, конечно, раскрывается автоматически, но черт его знает, что она может натворить... Больно уж не хотела прыгать...

– Да вроде на поле села, нормально все, не парься, – Олег поморщился и махнул рукой, словно отбрасывая от себя чужую нервозность. – Чего ты дергаешься, в первый раз что ли они за люк цепляются? Вылетают и на автомате выполняют положенные действия. Все будет нормально, как всегда. Она уже приземлилась, пока мы тут ее мусолим.

– Не знаю, не знаю... – тревожный сумрак выплеснулся из задетого сердца и разлился по телу. Внезапный порыв ледяного ветра обжег влажную кожу. Поежившись, Натан поспешно застегнул комбинезон. – А ты точно уверен, что это она на поле села?

– Ну да, она же первая прыгнула, она и села первая. Вон к ней уже наши подъезжают, – Олег бросил в окно небрежный взгляд бывшего пилота и с мимолетным удивлением посмотрел на Натана. Обхватив себя руками, тот громко, перекрывая шумовой хаос, стучал зубами в ледяном ознобе.

– Заболел что ли? – не дожидаясь ответа, Олег принялся весело насвистывать популярную мелодию.

Не в силах вымолвить ни слова, Натан с трудом присел на пустое сиденье. Крупные капли холодного, словно талая вода, пота заскользили по спине, удерживая сознание от растворения в наплывающей на него густой мгле. Он невольно застонал, увидев пришедший из нее ответ. Он *знал*, что произошло. Но лучше бы он этого не ведал...

Держась за вибрирующую стену кабины, в отчаянном порыве предотвратить неотвратимое, внутренним взглядом он уцепился за явленный ему образ и сразу же оказался рядом с его физическим воплощением – внизу. Пронзительная тишина заложила уши, и вертолетный шум отдаленным эхом звучал где-то на периферии размытого в бесконечности мира... Сознание сосредоточилось на крохотном его участке, на паре метров земли, на которой он стоял.

Теплый ветер ерошил волосы, но каждое воздушное прикосновение отдавалось резкой болью во всем теле... Яркость травы, кое-где выглядывающих из нее хрупких белых цветов была невыносима... Резь в глазах заставила его зажмуриться. И снова перед его внутренним взором появился тот самый образ. Мраморно-бледное лицо девушки... Широко распахнутые карие глаза смотрят на него через полупрозрачную колышущуюся пелену... Ее взгляд неподвижен, но ее тело медленно опускается прямо на него... Он пытается отстраниться, отойти с ее пути, но, полностью обездвиженный, не может пошевелить ни одним мускулом. Ее путь протекает через его душу... И когда она прикасается к нему, сливается с ним, входит в его сердце, окружающий его мир исчезает окончательно и бесповоротно... Не в состоянии дольше оставаться эпицентром соединения жизни и смерти, он кричит...

– Ты что, охренел?! – голос Олега, возмущенного столь грубым вторжением в удовлетворенно злобное состояние его души, хлестнул особенно больно, как размоченная в соли плоть. Силясь перебороть бьющую тело дрожь, Натан потянул язычок молнии на комбинезоне вверх, вверх – до предела. Побуждение закрыться от окружающей действительности было всепоглощающим... Отвечать Олегу, вообще как-нибудь реагировать на его присутствие не имело смысла. Разговор, важность которого отгораживала от Натана весь мир, сейчас шел совсем на другую тему и на иной частоте. Бессловесное, беззвучное общение со своей душой, с чужой сутью и общим миром затягивало и оказывалось неподвластным никакому контролю. Уже без страха, с неизведанным прежде смирением, он снова посмотрел в иллюминатор. Машина спешила по полю к севшему на него парашютисту. Брезентовый купол вольно раскинулся на траве. Вылезшие из машины люди окружили его и помогали парашютисту освободиться от теперь уже ненужных пут. Разглядеть, кто в них увяз, мужчина или женщина, не удавалось. Но Натану и не требовалось это видеть физическим зрением. Ответ пришел к нему в миг духовного соединения своей и другой жизни, в совместном преодолении запредельной грани Бытия.

– Это не она, – бросил он их совместный приговор в спину пилота. Грохот лопастей и двигателя измельчил слова и рассеял их смысл в пространстве. Вторая часть *знания* посетила его в следующее мгновение: с самого начала он *знал*, что случилась катастрофа. И он сделал все для того, чтобы это *знание* стало материальной реальностью. Потому что для него триумф смерти был прожит как личная победа над жизнью. Неудавшейся в добре и оттого жестокой.

Страх влажным серым туманом надвинулся на нее со всех сторон – мягкий, удушающе мягкий... Она и не подозревала, что в ее душе есть настолько потаенные уголки – до тех пор, пока страх не заполнил их все... То, что она отвергала в себе и тем самым полагала несуществующим, вдруг ожило под прикосновениями липких щупалец тревоги, впитало расползающуюся силу и явило себя в полной мере. Страх... сколь многолик он оказался! Страх перед прыжком, – перед высотой физической и образной, перед достижениями и победами, перед женщинами и мужчинами, перед родителями и детьми, перед привычным и новым... Перед жизнью и перед смертью... Страх объяснимый и иррациональный... И когда все его отражения, все тени вышли из своих укрытий и слились в сознании воедино, свет неба, бушующего в квадрате разверзстого под ногами пола, померк в ее глазах...

А потом она полетела. Сначала она упала в обступившую ее тьму, на мгновение зависла в ней, словно адаптируясь, а затем полностью отдалась ей, доверилась так, как никогда никому не доверялась. Никому, даже самой себе. Вернее, той части себя, которую она определяла своим «я». Тьмы как отсутствия внешнего света она не боялась прежде – свет неизменно оставался с ней, пребывая в виде надежды или любви в ее душе, не испугалась и сейчас. Хотя мечты и надежды, любовь и даже воспоминания о ней, о самой себе растворились в застилающей сознание мгле... Исчезло вообще все – знакомое и незнакомое, важное и незначительное... И, покорившаяся абсолютному господству тьмы, Меруерт вдруг перестала чувствовать себя привычно живой. Она перестала бояться: страх исчез, растворившись в максимальной своей концентрации, и превратился в нечто, себе полностью противоположное. Ледяные пальцы тревоги, тянущиеся за ней из упокоенного «я», отпустили ее, и Меруерт начала погружаться в облегчающее тепло неизвестного прежде покоя... Тепло небытия... Тьма проникала в ее тело и душу. Или, может быть, она сама была этим теплым, успокаивающим мраком, вышедшим из потаенных глубин ее подсознания... «Страх – это сопротивление переменам», – мелькнул ускользающим отблеском света последний штрих самосознания. Вместе с ним в убаюкивающей тьме растворилось и последнее напряжение прошлой жизни...

И вот тут он и появился. Свет. Точка света. Крошечная искра, средоточием неземного наслаждения вспыхнувшая в сердцевине крошечной тьмы... Ее сияние удивительным образом противодействовало мраку и дополняло его... Оно – так же, как и тьма – звало за собой. Но и тьма звала тоже. Два разных истока движения, возникшие в ней, вернули ей ощущение себя. Некоторое время Меруерт то теряла его, отдаваясь оглушающему покою тьмы, то вновь находила, отзываясь на пробуждающее влияние сияющего блаженства... «Почему мне всегда хотелось любить и отдавать, несмотря ни на что?» Эта мысль пронеслась в возрождающемся сознании и бесцеремонно увлекла его за собой, в сверкающую световую точку... Как же мало оно было, ее сознание, раз без малейшего усилия прошло в эту сияющую крохотность... И с этого мгновения начался ее полет.

Сколь обманчива порою траектория человеческой судьбы: не стоит понимать буквально ее подъемы и спады. Тело Меруерт, беспомощной куклой вывалившееся в небесные просторы, стремительно летело вниз, в то время как ее возрожденное сознание переживало головокружительный взлет...

Когда летишь сквозь небо, дух одинаково захватывает и от беспредельности перспективы, распахивающейся перед тобой, если поднимаешься вверх, и от ее узости, если направ-

ляешься вниз. В любом случае границы мира резко сдвигаются, и неизвестно еще, что будет более травматичным – удар об их чрезмерную близость или внезапное обнаружение себя в воспринятой бесконечности... Физическая оболочка девушки пронзала воздушные слои, и сила притяжения, с каждой секундой падения все больше ее захватывающая, казалась ее собственной волей. Сила и воля – две стороны одной медали, два инструмента души, полностью ею не утрачиваемые лишь в одном случае. Даже позаимствованные порой из других источников, они возможны к использованию, если душа жива.

Парашют раскрылся, тело дернулось и беспомощно повисло в воздухе. Воздушная стихия пыталась удержать его в своей власти, и противодействие двух сил, земли и неба, позволили Меруерт полностью прожить странность своего раздвоенного состояния. Разделенность, пусть и условная, физического и духовного аспектов бытия создает те условия, в которых возможен выход человека в очень интересную область его сознания...

Земля, со свойственной ей природе настойчивостью, преодолевала сопротивление воздушной стихии. Взрывной характер последней проявился в нетерпеливом порыве ветра, бурей нерастрченных эмоций налетевших на мирно дрейфующий парашют. Но избежать притяжения собственной судьбы невозможно. Можно лишь выбрать один из доступных к избранию вариантов. Более активная, чем земная, воля воздушной стихии сделала выбор за выброшенную на периферию воплощенного бытия Меруерт. Захваченный потоком атмосферного течения, парашют медленно, но верно поплыл в несколько ином направлении. Едва уловимая смена мгновения или миллиметра пути разворачивается в прогрессии жизни поразительно разными ее направлениями...

Белый коридор все никак не кончался, но Меруерт не протестовала против его бесконечности: игра разноцветного сияния на его стенах привлекала внимание и наполняла удивительным чувством... Ликование... Она не думала ни о чем. Все, что она делала – это проживала полноту открывшихся ей впечатлений... И приходили они не извне – она творила их сама... Она пребывала в себе и только в себе, но при этом словно смотрела на себя со стороны. И ни одной мысли... Это она тоже осознавала – безмысленно...

Меруерт летела сквозь радужный коридор со все увеличивающейся скоростью. Как странно, что внешнее и внутреннее столь видимо не совпадают в скоростях. Скорость мысли и скорость шага – дух всегда опережает материю. Тело девушки, удерживаемое в плавности траектории снижения парашютом, постепенно замедлялось в падении, в то время как скорость полета ее духа, не сдерживаемая ничем, нарастала... Во взаимодействии физических и тонких энергий неизбежно наступает момент их идеального баланса. В этот миг время в материальном мире словно замирает, и тонкие вибрации активно воздействуют на определенный объект. Перед соприкосновением с водной стихией тело прекратило всякое движение и замерло над поверхностью пруда. Полет ее духа, напротив, вошел в свою максимальную стадию. Меруерт вошла в тонкие потоки запредельного бытия на пике собственной душевной активности.

Вода приняла ее столь охотно, будто давно ждала и даже притягивала. Подчас сущая малость обладает удивительной силой воздействия... Водные слои мягко, почти без сопротивления расступились под ее телом, отяжелевшим от близости к земле, и разбежавшиеся от него мелкие волны тут же скрылись под широкими складками парашютного купола, то ли спрятавшегося, то ли обозначившего место соединения стихий и человека... Вода поглотила и обволокла тело Меруерт со всех сторон, укачивая, убаюкивая, провожая ее душу в далеко не последний путь.

Смерть – она всегда является точкой единения души с миром, хотя и кажется неразвитутому сознанию, до момента ее наступления, разрушительным, разъединяющим процессом.

Смерть – это отнюдь не конец всего, но всякий раз переход из одной формы Бытия в другую. Такой переход может служить инструментом для прерывания одного воплощения, дабы перевести его в другое, а может быть способом самопознания в течение данной жизни.

Безысходная серая тоска, застывшая в его глазах, резко контрастировала с безоблачным голубым небом, отражавшимся в поверхности пруда. Облака разбежались, и свет солнца казался Натану вызывающе ярким. При его всепроникающем сиянии было невозможно упустить из внимания, оставить невоспринятой хоть одну из деталей той страшной трагедии, виновником которой он стал... Он закрыл глаза, но увиденное стояло перед внутренним взором с ужасающей, невыносимой отчетливостью. Вокруг суетились люди, хлопали дверцы спасательных и медицинских машин, короткие фразы пронзали неестественную тишину, подчеркивая ее присутствие. Он сначала думал, что эта тишина стоит вокруг, но потом, вслушавшись в нее, осознал – она воцарилась внутри его души. Мертвая тишина абсолютной безысходности...

Противно хлюпали парашютные складки, мелодично журчала сбегавшая по ним вода, с мягким, почти неслышным стуком ударявшаяся о траву, цветы и безмолвно остывающая на них крохотными бусинками невыплаканных слез... Каждый звук, громкий и тихий, одинаково болезненно впивался в мозг со святой безжалостностью палача, осознающего степень виновности своей жертвы и оттого приводящего приговор в исполнение с нескрываемым удовольствием. Палач – герой... Несколько минут назад он сам был неосознанным, но оттого не менее жестоким палачом, казнив невинную жизнь... И теперь казнят его, целенаправленно и заслуженно... Виновен... Виновен... Ну когда же казнь закончится... Осознание того, что столь мучительно он переживает лишь ее начало, панической судорогой сводило сознание.

Что-то тяжелое поволокли по земле. Натан вздрогнул, не открывая глаз. Звук был особенно неприятным, отталкивающим. Ему и не надо было смотреть, чтобы убедиться в том, что он и так знал – Меруерт вытащили из воды. То, что от нее осталось... То, что несколько минут назад было молодой, полной сил и планов на жизнь девушкой... Сколько детей, не рожденных ею, окончательно ушли в небытие вместе с ней... Он лишил жизни целое поколение людей, хотя формально стер с лица земли только одну девушку... Кем бы они были, эти нерожденные лица: злые или добрые гении, благодетели или угнетатели человечества – мир никогда не узнает их имен. А его имя запомнят надолго. Он никогда не жаждал славы, тем более полученной таким способом. Он – массовый убийца по своему выбору, но против собственной воли, и нет возможности ни расплатиться за масштабность своей вины, ни искупить ее... Безысходность – таково отныне имя его бытия.

– Еще один прыгун накрылся, – незримый словесный яд, смешанный с едкостью дешевого сигаретного дыма, черной сажой осел на застывшей перед сознанием картинке, скрывая ее отчетливость. – Лезут в небо, придурки. Ни черта не умеют, думают, за бабки все можно купить. Но небо не купишь! Оно должно быть у тебя в сердце!

Распахнув глаза в бессильной попытке сбросить с себя болевую пелену, он уперся взглядом в фигуру Олега, развернувшегося к месту трагедии выразительно равнодушной спиной. Смачно сплюнув на землю, тот с чувством выполненного долга вдавил в траву сигаретный окурок и взразвалку зашагал прочь. Презрение и удовлетворение от справедливой раздачи судьбы сквозило в каждом его шаге. Впоследствии, прокручивая в памяти один из самых страшных эпизодов своей жизни, Натан не мог понять, что же его ранило сильнее: осознание степени личной ответственности за ситуацию или полнейшее отстранение от нее другого человека. Человека, чье непосредственное участие также предредило данную смерть.

Спасение, как и гибель, приходит, порой, впечатляюще неожиданно...

– Пульс слабый, но есть. Жить будет, – слова человека в белом халате, с трудом разогнувшего затекшую спину, произвели поистине магический эффект. В безмолвии немого кино,

которым стало все вокруг, Натан наблюдал, как белая человекоподобная фигура отрывается от земли и медленно возносится вверх, в голубые объятия неба. Недвижимый, он видел, как привычная синева в каком-то пределе, неподвластном человеческому расчету, расступилась и белый силуэт вошел в такое же белое сияние, слился с ним и исчез... А затем небо снова закрылось и предстало своему неслучайному наблюдателю привычной ему воздушной перспективой...

Свет... Повсюду свет... Белый... Нет, разноцветный. Неисчислимое множество розовых оттенков привлекали ее внимание одновременно, раскрывались в ней и перед ней, наполняли ее, переполняли и... вновь наполняли... Она бесконечна, как и пространство вокруг... Она – это пространство... Она – это свет...

Постепенно чувство себя прежней вернулось к ней. А вместе с ним пришло и разграничение себя и окружающего бытия, но ощущение единения с ним осознавалось четко и легко, само собой разумеющимся жизненным процессом. И чем яснее становилось ее самосознание, тем явственнее она улавливала изменения во внешнем пространстве. Они нарастали, накапливались и становились все более очевидными. Постепенно белый свет приобрел очертания, границы и контуры. Меруерт парила посреди огромной комнаты, стенами которой были прозрачные – вплоть до иллюзии полного своего отсутствия – зеркала. Ее сознание вышло из-под контроля, наработанного в жизни, и последовало указанию воли совершенно незнакомой, скрытой в самых потаенных его глубинах. Подчиняясь, причем без малейшего сопротивления, внутреннему побуждению, она оглядела возникшее пространство и ничуть не удивилась, увидев себя везде: и слева, и справа, и вверху, и внизу... Словно быть расщепленной на многие личности являлось самым естественным процессом дарованного ей бытия. Зеркальный пол, стены и потолок идеально правдиво отражали ее, и Меруерт, на мгновение утратившая единичное самосознание, обнаружила себя полномерную, живую и осознанную, во всех видимых диспозициях одновременно... Но при целостности своего существования в каждой из явленных ей вариаций она была собой чуть иначе...

– Цветущее поле расстилается до горизонта, на котором балансирует оранжевый шар закатного солнца. Она бежит по теплой, нагретой солнечным днем траве, радостным волнением откликаясь на ее упругость и свежесть. Он догоняет ее, и она прижимается к его груди, запрокидывает голову и тонет в неге долгого поцелуя, не различая удары своего сердца от биения его... Ощущение единения с возлюбленным переполняет ее и расширяется до слияния с миром вокруг... И вдруг она понимает, что этот мир принадлежит ей полностью, а она – ему... И она *знает* – так будет всегда.

– Фотография в руке дрожит все сильнее, вбирая в себя всю ту боль, что вырывается из ее души... Побелевшие пальцы сжимают ее слишком сильно, оставляя на тонкой бумажной плоти рубцевидные следы от ногтей. Истошный крик поднимается из подвздошья и гаснет в потоке беззвучных слез, хлынувших на мгновение раньше. В беспомощной попытке пережить боль невыносимого осознания, она сминает фотографию в бесформенный комок. Его больше нет. И жизнь без него не имеет смысла и цели... Окно, распахнутое настежь в безграничную бездну ночной тьмы, манит единственным и естественным выходом из удушающих объятий внутреннего мрака...

– Городское солнце, строгое и пыльное, равнодушно отражается в темных стеклах ее очков. Она идет по улице, перегруженной людьми, зданиями, машинами и вывесками, уверенная и холодная, как прячущиеся в подворотнях тени, в строгом деловом костюме и с папкой из тонкой кожи, прижатой к обтянутому прямой юбкой бедру... Каждый шаг выверен и всякая цель предельно ясна. Так отчего же она избегает смотреть на скрытые меж домами тени, столь же бездушные и ненужные, как и ее собственная жизнь? Ответ никогда не находится,

потому что вопрос никогда не задается, зарождаясь и тут же рассеиваясь в череде принято важных и неотложных дел...

– Холод сочится отовсюду – из вечных сумерек плохо освещенного подъезда, из-под дверей наглухо запертых квартир, с пола, на котором она лежит... Он, заплеванный и затертый, кажется ей гораздо чище ее самой. Что-то сильное, неимоверно сильное давно взяло над ней верх, исподволь заполонило жизнь и превратилось в ее бытие. Но другое, сохранившееся в душе, нечто сокровенное и бесценное, то, до чего невозможно было добраться и что нельзя было продать или поменять на запретный плод, продолжало бороться. Оно боролось за нее, когда она отказалась от всяких усилий на спасение. Может быть, оно было столь настойчиво и непобедимо, что являлось не частью ее, а по-настоящему и единственно ею? И именно оно протестовало сейчас против грязи, в которую превратились ее тело и мысли... А чувства... Их у нее совсем не осталось, кроме того драгоценного ощущения своей вечной сути... Рядом валяется шприц с погнутой иглой... Из руки вяло сочится кровь. Она такая же холодная, как и окружающий ее мир. Равнодушие, ставшее ее жизнью, по каплям вытекает из нее. Кто-то дотрагивается до ее плеча. Через ледяную ауру смерти, окутывающую ее тело, она неожиданно явственно чувствует тепло человеческой руки...

– Аура домашнего тепла витает в воздухе, надежной защитой окутывая предметы, пространство, людей. Запах ее дома, ее детства – корица и ваниль, имбирь и гвоздика. До чего же она обожает свою работу! Она буквально горит ею... Жар от раскаленных печей волнами расходится по помещению. Они насыщены ароматами воспоминаний. Мамины руки, мягкие и пахнущие булочками, бабушкин поцелуй, оставляющий на щеке шоколадный аромат, дедушкины усы, навсегда запечатлевшие в себе запах свежемолотого кофе... Счастливые моменты ее жизни приходят и уходят, чтобы снова вернуться, вместе с очередной волной печного жара. Она достает из добродушно раскаленного зева широкий противень. Плотные ряды крутобоких пирожных дышат на нее сладкой истомой...

Светло-фиолетовый туман пополз из печей, от рук кулинаров, из щелей под холодильными установками... Его легкое прохладное свечение оказалось сильнее густых волн печного жара, и последний постепенно растворился в туманной дымке, неуклонно завлакивающей все вокруг. Цех исчез, вслед за ним рассеялась болотная сырость подъезда, рассыпалась в прах каменно-равнодушная выверенность городского пейзажа, размылась переполненная отчаянием ночная комната, исчез щедро залитый солнечным счастьем цветущий луг...

– Это моя жизнь везде... То, кем я могла бы стать... – мысли, громкие, как выкрикиваемые слова, взорвали устоявшуюся тишину созерцающего себя сознания.

– И то, кем можешь быть. Пока живешь. Посмотри наверх, – женский голос, невыразимо мягкий и проникновенный, мгновенно завладел ее сердцем. Ни к кому прежде Меруерт не испытывала такого всепоглощающего доверия. Она *знала* – обладатель этого голоса несет ей только благо. И она с готовностью приняла его.

– Да, Мирена, – знание захватило ее полностью. Но оно не пришло извне, оно всегда жило внутри нее, оно жило с ней, оно было ею – частью ее души, необходимой и неделимой. Имя ангела-хранителя, вложенное в вечную память души, звучало успокаивающе и поддерживающее одновременно.

Взгляд, направленный на вновь появившийся потолок, выхватил из его сияющей белизны проступившую на нем реальность. Что-то, вспыхнувшее с внезапной яркостью из нового пространства, захватило ее внимание с непрекаемой властью. Промчавшись по ослепительно сияющему тоннелю, она закружилась в водовороте разноцветных потоков энергии, с головокружительной скоростью завертелась в нем. Она знала эти энергии, они ей знакомы... Постепенно пропитываясь их присутствием, Меруерт опознала его: восторг и страсть, зависть и похоть, гнев и радость, преклонение перед ней и жажда ее уничтожения – каскад человеческих чувств обрушился на доверчиво воспринявшую их душу... Оглушенная неожиданным

накалом чужих эмоций, она попыталась выплыть на поверхность этой энергетической бездны, выпрыгнуть из нее, вернуться к себе прежней... Будто признав ее силу, водоворот выбросил ее из себя, вытолкнул во что-то иное... Но, может быть, он просто превратился в новое пространство? Как бы то ни было, она вновь обрела привычное и безопасное ощущение себя. Но – несколько другое, чем раньше... Чем тогда... Когда? Она не знала. Мир, развернувшийся вокруг, отрезал ее от всех былых воспоминаний и опытов. Она полностью принадлежит ему. Ее мир крайне мал и безграничен одновременно. Им она живет и дышит. Им она является здесь и сейчас.

Сцена залита разноцветными лучами. Зрительский зал бушует в неистовом восторге. Аплодисменты сыплются искрящимся фейерверком. Она кланяется в десятый раз, снова и снова принимая роскошные букеты цветов из рук вспотевших от волнения поклонников. Их признание растет у ее ног ароматной горой, жертвой, принесенной ее таланту и красоте, тем раем, которого она достойна. Поклонники молят свою богиню еще раз явить им чудо ее волшебства. Она не может отказать им. Она должна уступить их просьбе. Поправив роскошное алое платье, она делает знак торжественно замершему оркестру и начинает петь...

– Это не я... – раздвоенное сознание позволяло пребывать по обе стороны одного мгновения. – Я не умею петь, – уже без сопротивления, но следуя его инерции, робко шептала она, возвращаясь в бесформенное пространство тонкого плана.

– Но это тоже ты, – голос ангела звучал уверенно и ласково. – Ты не знаешь себя. Многогранность души неизмерима. Однако в данный момент твоего бытия она представлена перед тобой несколькими самыми важными гранями, доступными твоему восприятию и проработке. Ты можешь очень многое. Но выбирать надо один раз. Сейчас.

– Как я могу выбрать! – страх перед неверным выбором зазвенел в голосе Меруерт трепещущей струной.

– Доверься своим ощущениям.

– Но я не умею...

– Умеешь. Всегда умеешь. Ты делаешь это постоянно. Сделаешь и на этот раз, – увещательные нотки в голосе Мирены гармонично сочетались с непрекращаемой твердостью. Она вела за собой подопечную уверенно и легко, встраиваясь в личность Меруерт и незаметно превращая свою (а на самом деле Высшую) волю в ее собственную. Так будет ровно до тех пор, пока Меруерт не научится осознанно находить опорой в любой форме бытия саму себя. И раскрытие через него своей духовной сути.

– Ты всегда слушаешь свое духовное сердце, – продолжала Мирена. – Но не всегда его слышишь. Ты – есть сердце. Сейчас ты – сердце. Всегда ты – сердце. Слушай себя. Но выбирая одно, ты должна будешь преодолевать в себе противоположные стремления, рождающиеся из разных источников. В этом преодолении и заключатся реализация твоего выбора.

Странное переживание, составленное из смеси несхожих побуждений и чувств, вдруг стало новой формой ее бытия. Растерянность и решимость, уверенность в правильности своего выбора и сомнения, страх и желание, острое ощущение даруемого ей шанса и возможной потери... Из глубин белого сияния снова проступили розовые блики, из которых проявились контуры уже знакомой ей комнаты. Течения несхожих вариантов судьбы опять развернулись перед ней, над ней, под ней, то захватывая внимание, то отпуская его. Растерянность и сомнения нарастали, затапливая мечущееся сознание, душным ватным одеялом обволакивая потерянно бьющееся сердце, стремясь поглотить, заглушить, остановить пульс ее жизни... Но в последний момент, прямо перед едва не вырвавшимся из подавляемого сознания стоном, они исчезли, растворившись в бело-розовом искрящемся свете, разгоревшемся не снаружи, но внутри нее. И в тот же миг Меруерт обнаружила себя в ароматных волнах печного цеха.

Ее руки сноровисто и аккуратно играли с послушным человеческой воле тестом, точно так же, как секунду назад некая неуловимая Сила играла с формами ее бытия...

Удовольствие и сопутствующая ему радость сладкой истомой разлито в пространстве... Но что-то чужеродное поглощает сытость ее бытия. Неприятный холодок бежит по ее груди. Наверное, кто-то открыл окно, и сквозняк пробрался в уют ее кулинарного мирка. Неприятные ощущения усиливаются, и непонятная дрожь мелкой рябью полосует ее тело. Ощущения так отчетливы, что она не может не осознать их природу: сомнения вновь вернулись к ней.

Недовольство своей судьбой – не слишком острое, но ощутимое, – оно постоянно присутствует в ее душе, руках, взгляде, устремляемом на других людей. Она одинока, без семьи, любимого человека и детей... Ничто и никто не доставляет ей радости, кроме занятия любимым делом. Но и оно с каждым новым днем становится все менее привлекательным. Что-то пошло не так с тех пор, как она выбрала профессию кулинара и полностью посвятила себя ей. Что-то она потеряла... Но вот что...

Сквозняк окреп и превратился в противный ветерок, непрерывным потоком дующий неизвестно откуда. Он словно выдувал ее из привычной ей зоны комфорта. Рассердившись, она пыталась было противостоять ему, но быстро поняла, что это невозможно: ее сил, истраченных на борьбу с чувством неудовлетворенности выбранной жизнью, на заполнение разрастающейся в душе пустоты, не хватало... Ее энергия, захваченная сквозняковым потоком, пойманная на крючок сопротивления, неостановимо вытекала из нее... Обессиленная, Меруерт безвольно последовала за самой собой, за чувством поглощавшей ее пустоты...

Сил нет, но эта усталость приятна. О, как она обожает сладкую истому, охватывающую ее после каждого концерта! Откинувшись на мягкие подушки, Меруерт с удовольствием позволила усталости от полноценно прожитого дня затопить себя, завладеть всеми клеточками ее тела... Сколько радости – настоящей, ликующей – в этом переживании! Радость от творческих свершений – вот что наполняет ее бытие, дарует ему смысл и силу. Она улыбнулась, вспоминая многочисленные вопросы поклонников и журналистов, задаваемые ей: откуда она берет силы для столь масштабных, ярких и брызжущих жизнью выступлений, для поддержания отличной формы, красоты и здоровья. Она столько раз отвечала на эти множественные вопросы, по сути сводящиеся к одному. Но только такие же творчески успешные люди, как она сама, способны понять ее.

Заполненная блаженной истомой, она отпустила восприятие рассеянно бродить между обстановкой комнаты и образами, переполняющими ее душу. Память словно расширялась вслед за расслабленностью сознания, и среди отчетливых картин недавнего прошлого всплывали смутные, но удивительно знакомые лица и пространства... Привлеченная их появлением, она непроизвольно задерживала на них толику своего внимания, и тут же оказывалась полностью ими поглощенной. Что-то, сокрытое в глубинах ее души, пробуждалось в новом поле восприятия, и оно начинало искриться невыносимо ярким светом, принимающим форму безукоризненного шара. Блаженство, исходившее из него, из нее самой, слитой с этим светом воедино, неуклонно нарастало и, достигнув своего пика, вдруг взорвалось ослепительной вспышкой. И за долю мгновения, показавшегося ей вечностью, Меруерт прожила несколько полноценных жизней в рамках одной – единственной собственной души. Но только одна из них имела для нее огромное значение.

Глава 2

Обаяние тьмы

Радужные блики танцевали вокруг нее, и она танцевала вместе с ними. Она была одним из них, она видела свой цвет – сиреневый, легкий и почти прозрачный. Другие блики отражались в ней отсветами самых разных цветов, оставляя на ее сиянии следовые оттенки их касаний. В них ее собственный свет становился гораздо более полным и многомерным...

Постепенно соседние блики таяли, уходя в неведомые ей дали, и вскоре Меруерт осталась почти одна. Белое пространство, проступившее из исчезнувшего сияния, было каким-то новым, холодным и безжизненным. Оно давило на Меруерт, притягивая ее и отталкивая одновременно. Дискомфорт, порождаемый противодействующими силами, нарастал и вскоре стал невыносимым. Тяжесть неизвестного происхождения пригвождала ее к месту, лишив недавней легкости и текучести. Застонав от безуспешных попыток освободиться из-под ее гнетущей власти, Меруерт сделала то единственное, что могла: открыла глаза.

Белое пространство, чужеродное и безучастное к ней, расстиралось вокруг. Ужас охватил сознание, но сразу отступил, отогнанный редкими, но столь родными радужными отблесками, мелькающими то здесь, то там... Блики угасали, исполнив свою роль стражей, доставивших Меруерт в данную ей реальность. С их исчезновением пространство проступило с непоколебимой отчетливостью новой формы бытия. Рассеянным взором новоприбывшего Меруерт исследовала окружающий ее мир. Она где-то уже все это видела... Как будто она здесь уже была... Знакомые ощущения успокаивали и подчиняли сознание принимающей его реальности. Белые стены, потолок и шторы. Да, она знала эти предметы, их названия и предназначение... Она знала... Но кто она? Собственное имя несколько секунд вертелось в сознании, а затем выпорхнуло из него с быстротой перелетной птицы... Сбитая с толку, Меруерт закрыла и открыла глаза. Ничего не изменилось ни снаружи, ни внутри нее. Ее душа была такой же безучастной, лишенной образов и воспоминаний, как и пространство вовне нее. Обессиленная своей внезапной обезличенностью, она отдалась безжизненному покою сна безо всяких сновидений...

Коридор казался нескончаемым. Ненависть к казенным пространствам всегда таилась в его душе, а теперь, разбуженная откровенным равнодушием, разлитым вокруг, явила себя в полную силу. Впрочем, она никогда и не засыпала в его сердце полностью – мастерское умение контролировать свое внешнее и внутреннее поведение делало его неузнаваемым для всех, кто вступал с ним во взаимодействие. Но сам себя он узнавал в любой ситуации, и это было в его жизни основой ее успешности...

Отчего-то люди полагают, что сила ненависти проявляется в буйных порывах, перекошенных чертах лица и хаотичных действиях. Кривая усмешка на мгновение темной тенью легла на его лицо и тут же исчезла. Людишки... Презренные создания... Но не столь уж ничемные – именно благодаря им он становился сильнее и могущественнее... Благодарность... Полустертый, едва различимый светлый отблеск коснулся души и тут же растворился в ее крошечной тьме, заставив его скривиться от боли. Благодарность – удел его врагов. Он давно вышел из-под их прямого контроля, и теперь то, чему он следует и чего боится – страх. Да, страх, лежащий в основе и ненависти, и боли, и жажды все большей и масштабной власти...

Отблеск чужой энергии, светлых вибраций вызвал мгновенный отклик в его темной душе. Волна густой, тягучей, древней как мир ненависти поднималась неостановимым штормовым валом. Он знал, чему предшествует его появление. Концентрат ненависти был ему нужен для следования одной из доверенных ему миссий – для убийства.

На первый взгляд, он ничем не выделялся из суетливой толпы человеческих созданий. Нормально высокого роста, с гладко зачесанными, черными как смоль волосами, черными блестящими глазами, неопределенной национальности: он вполне мог бы сойти за своего в любой стране этого ничтожного мира. Особенно в данный ему исторический период, когда народы и этносы теряют четкость внешнего и внутреннего самоопределения...

Шалкар довольно ухмыльнулся. Его достаточно высокий иерархический статус, отражающий высокоразвитое сознание, и сверхъестественные (с точки зрения глупых людишек) способности позволяли отлично замаскироваться везде, где бы он ни находился. Быть вовремя узнанным или неузнанным – залог его побед. Всюду свой и чужой одновременно, он не принадлежал ни ситуации, ни себе, а был рабом воли своего Хозяина... Потрясающая осознанность и постоянный контакт с Хозяином наделяли Шалкара феноменальной эффективностью действия. Противостоять его намерению было невозможно. Ну, хорошо, почти невозможно. Шалкар снова злобно скривился, словно от зубной боли: это «почти» он ненавидел особенно яростно, хотя принимал его как должное. Никогда нельзя было предугадать, где оно вылезет и все испортит... Но сразу же он снова злорадно усмехнулся – с каждой секундой жизни, проведенной в ненависти, он становился все сильнее. Виват этому миру! И – *memento mori* ему же.

Коридор все не кончался. Шалкар остановился и поставил пакет с апельсинами на потертый сотнями ног дешевый линолеумный пол. Эти люди... Они невыносимо тупы. Только окончив свое брренное существование, многие из них понимали, что дно стоит намного дороже высоты... И оплата его работы очень высока. Хотя и расплата за ее несовершенство тоже огромна...

Шалкар поежился, уловив обжигающе холодное дыхание Хозяина, пробежавшее у него по позвоночнику и ледяными иглами застывшее в его сердце. Хозяин всегда с ним, в нем и знает о каждом его шаге. Скрыть что-либо, равно как и скрыться, от него невозможно...

Когда, к чертям собачьим, закончится это подобие выхода из материального мира в тонкие сферы? Жесткие черные глаза быстро оглядели силуэты покосившихся дверей, стороживших проходы в иные комнатные пространства. «Тоже мне, охранники», – усмехнулся Шалкар. В этом мире нет преград, которые он не мог бы преодолеть. Разве что...

– Вы кого ищете? – визгливый женский голос иззубренным звуковым напильником резнул слух. Хотя он и ждал ее появления, но все же вздрогнул от жадно впившихся в барабанные перепонки ноток хронической истерии. Его любимый типаж – неосознанная и оттого неуправляемая психика! Развернувшийся на голос Шалкар предстал перед его обладательницей соответствующим ее ожиданиям мужчиной.

– Я... О! Какая красота! – ослепительная улыбка подчеркивала мягкость свечения обвооружительно бездонного черного взгляда... Бархатный голос обволакивал убаюкивающей ласковостью тех самых слов... Тех самых, которые так хочет слышать эмоционально неустойчивая женщина в этом лживом мире... Не находя опоры в себе, она ищет ее в других. То мгновение, которое понадобилось Шалкару на поворот к собеседнице, полностью изменило его... нет, не внешность, а пробивающуюся через нее суть. Гибкая и текучая, она подчинялась требованию ситуации, перевоплощаясь из одной маски в другую. Из откровенно опасного хищного зверя, с ненавистью оглядывавшего окружающий пейзаж, он превратился в обвооружительно милого, мягкого и вместе с тем мужественного человека – в мужчину мечты. Ее мечты...

Неуклюжая девица простоватой внешности, в коротком, несвеже белом халатике, из-под которого кокетливо выглядывала разношенная в бесформенный мешок дешевая джинсовая юбка, растерянно захлопала ресницами, открыв ярко накрашенный рот, но все-таки сориентировалась.

– Ой, ну что вы... – взгляд, смущенно опущенный в пол, быстро поднялся на неожиданного кавалера, пробежавшись по нему цепкими оценивающими прикосновениями. Густой румянец залил ее щеки, легко пробившись сквозь щедро наложенную искусственную краску.

Не в силах выдержать насыщенного чувствами мужского взгляда, она зачарованно смотрела на пакет с яркими оранжевыми плодами, стоявший у его ног.

– Невероятно... – бархатный голос Шалкара перешел в велюровую нежность, сладострастной истомой близкого наслаждения окутывавший девушку. – Вы здесь... Ты здесь... Я тебя всю жизнь искал... – страстный шепот, уходящий в волнительно манящие низы, стих, перейдя в паузу дрожащего напряжения. Подчиняясь неведомой побуждающей силе, она подняла глаза и тут же растворилась в его взоре, отдалась ему, исчезла в его ласковой черноте. Слезы восхищения и благоговения, наполнившие его глаза, отразили ее лицо, внезапно побледневшее в проступившем на нем выражении безысходной покорности...

Отзвук удаляющихся шагов стих за поворотом больничного коридора. Наверное, одна из дверей, ведущих в пространство иного комнатного измерения, пропустила в него неведомо прекрасного странника... Рита очнулась от гулкой тишины, щедро разлитой вокруг ее бешено колотящегося сердца. Пакет с апельсинами стоял у ее ног, в доверчивом призыве распахнув мятые целлофановые створки. Что-то было необъяснимо соблазнительное в этом до примитивности простом жесте. Сколь часто кажущаяся слабость внешней оболочки таит в себе неодолимо опасную силу...

Она потянулась к желанным плодам, но замерла в полупоклоне, остановленная странным ощущением. Мышцы ее тела напряглись, сведенные волной страха, которая поднималась из глубины внезапно замедлившегося в своем биении сердца. Холодная дрожь неуправляемой рябью побежала по пальцам, задрожавшим в судорожной пляске и осыпалась в душу ледяными иглами панического ужаса. Едва сдержав рвущийся из горла крик, Рита резко разогнулась, отпрянула от пакета, подняла глаза и увидела... его. Он, прекрасный принц из ее потаенных грез, вновь стоял перед ней, улыбаясь успокаивающе и нежно... Осколки режущего льда, вонзившиеся в ее сердце, растаяли и побежали из глаз потоком благодарных слез. Она любила его... Она любила его здесь и сейчас, точно так же сильно, как любила всегда, все двадцать девять лет отведенной ей жизни... И он, призрак ожидаемой ею любви, жил и процветал ответным всепоглощающим чувством...

Она смотрела на Шалкара, но видела не его, а лишь того мужчину, которого мечтала однажды встретить. А Шалкар смотрел на нее и видел и ее представления, и мечты, и ожидания, но самое главное – он видел истинную суть ее души. Силы были неравны изначально.

Подчиняясь мягкому диктату бархатного взгляда, Рита снова приблизилась к пакету с апельсинами. И когда она взяла один из них, видение возлюбленного принца исчезло. Она стояла посреди больничного коридора одна, крепко сжимая в руке прохладную плоть оранжевого фрукта.

– Ах, вот ты где! Я тебя обыскала! – громкий оклик заставил ее подпрыгнуть и выронить плод.

– О, какой большой! Наверное, марокканский? – веселые нотки запрыгали по скучно крашеным стенам словно солнечные зайчики. Роза ловко подхватила апельсин, врезавшийся в ее туфлю.

– Кто-то забыл? Или у тебя наконец-таки ухажер объявился? – хихикнула девушка и, не дожидаясь ответа, скрылась за дверью в смотровую.

С глупой улыбкой, приклеившейся к ее покрасневшему лицу, Рита глядела вслед коллеге. Конечно, куда ей до Розки с ее длинными ногами, огромными васильковыми глазами и неискоренимой жизнерадостностью... Вздохнув, она подобрала пакет с апельсинами и побрела в сестринскую. Образ обворожительного незнакомца, с которым она, как ей казалось, была знакома всю жизнь, не выходил из головы. Куда он, кстати, подевался? Может быть, отправился за цветами... Такие как он ухаживают красиво. Хотя, откуда ей знать? Кроме вечно унылого стоматолога Стасика за ней никто и не ухаживал. А она не отвечала на его поползно-

вения – ждала его, единственного и неповторимого. Не зря, стало быть, маялась в одиночестве столько лет – подружки все уже несколько романов, а то и замужеств прокрутили.

Вопль, донесшийся из смотровой, грубо вырвал Риту из плена сумрачно-сладостных мыслей. Не успела она добежать до двери, как та распахнулась и старшая медсестра, возникшая на пороге, чуть не сбила девушку с ног.

– А-а-а-а-а-а-а! – с силой паровой трубы завопила она в лицо перепуганной сотрудницы. Вцепившись в плечи Риты, она затрясла ее в приступе животной паники.

– Что, что случилось?! – тщетно стараясь перекричать начальницу, верещала перепуганная ее наскоком девушка.

– На помощь! Помогите!

Страхнув с себя обезумевшую женщину, Рита оттолкнула ее и бросилась в кабинет. И остолбенела. На полу просторного помещения, залитого солнечным светом, возле кушетки лежал человеческий скелет. Неестественно вывернутые конечности придавали ему устрашающе-комичный вид. Скелет в медучреждении – вещь привычная... И бояться его врачам и медсестрам как-то не принято. Вот и этот скелет не вызвал бы бурю неуправляемых эмоций у созерцающей его девушки, если бы не сопутствующие ему ужасные детали.

Во-первых, запах, а вернее – отвратительная вонь разложившейся плоти, вязким туманом заволокнувшая комнату. Во-вторых, измятая женская одежда на скелете, пару минут назад виденная Ритой на ее сослуживице Розе. В-третьих, ее же туфли, непостижимым образом удержавшиеся на явно бившихся в конвульсиях ногах. И, в-четвертых... Это «в-четвертых» действовало на Риту особенно жестоко. Апельсиновая корка, валяющаяся рядом с непостижимо стремительно разложившимся трупом... Тяжело, словно через силу, вздохнув, Рита грузно осела на пол, потеряв сознание...

Он всегда ненавидел пение. Впрочем, он испытывал острую неприязнь ко всему на свете, но музыку и пение ненавидел особенно рьяно. Это была его страсть, его специализация – ненависть к искусству. Поэтому, видимо, Хозяин и дал ему нынешнюю жизнь... Ведь никто, кроме него, ведомого силой своей антипатии к творчеству, не сумеет столь безукоризненно выполнить возложенные на него обязательства. А Хозяин ошибок не прощает. Шалкар усмехнулся: прощение – еще одно словечко не из его действительности. Но он частенько манипулировал им для достижения своих целей. В отличие от людей, склонных к самообману и поверхностному прощению, он, носитель почти совершенного сознания, себя никогда не обманывал. А других – да, конечно. Несчетное количество раз. Но прощения за обман он ни у кого и не думал ждать – хорошую работу не прощают, а ценят.

Чем сильнее чувство, тем неодолимее притягивает к себе его объект... Чем сильнее существо, испытывающее какое-либо чувство, тем больше оно отождествляется с ним. С незапамятных времен Шалкар превратился в самую ненависть. Но, как ни парадоксально, будучи чистой ненавистью, он вовсе ею не являлся. На самом деле был чем-то иным, какой-то непостижимой пустотой, заполнившей некогда живую и трепетную душу. Ощущать эту пустоту было поистине невыносимо. Но он научился жить с ощущением невыносимости своего бытия, заполняя, заглушая внутреннюю пустоту ненавистью. Он чувствовал себя живым, уничтожая другие жизни. И как любое создание, живущее силой разрушения, он был необратимо мертв.

Музыка царила повсюду. Она ткалась из чудесного женского голоса, разноцветными переливами множества радуг парившего в невидимых высотах. С каждым новым звуком ненависть Шалкара становилась все сильнее. Никогда прежде не испытывал он такого переживания собственной мощи. Едва переведя дух, он остановился перед неплотно прикрытой белой дверью, ведущей в одну из больничных палат. Голос взял особенно высокую ноту, и Шалкар подпрыгнул, захваченный врасплох приливной волной своего желания уничтожить. Но нет, еще рано. Он еще не чувствует верного признака приближающегося акта разрушения – абсо-

лутного бесстрастия. Глубоко вздохнув, Шалкар деликатно постучал в облупившуюся деревянную плоть костяшками холеных, тщательно наманикюренных пальцев.

Солнечный свет бросился ему в глаза, норовя ослепить. Шалкар поморщился и отодвинул рукой назойливый луч. С невообразимо давних времен он научился справляться с энергией светила, осознанным усилием удерживая меж собой и миром защитную прослойку абсолютной тьмы. Эта аура, невидимая глазу простого смертного, оберегала его от неожиданного вторжения адептов света.

Со спины она была прекрасна. Песня, лившаяся с ее уст, соединялась с проникающими в комнату солнечными лучами и потоком удивительного сияния разливалась вокруг... С каждым новым звуком, слетавшим с ее губ, палата наполнялась новыми оттенками восхитительного сияния. Восхитительно ненавистного... Шалкар едва не задохнулся, сдерживая подступающее к горлу желание уничтожить и уничтожать...

– Доброе утро, милая моя! – интонация давнишней близости, вложенная в успокаивающий бархат низкого голоса, вплелась в чуть различимые пространства между пением и солнечными лучами, искусно разъединяя их.

Какое прекрасное лицо... Вздрыгнув и обернувшись, девушка смотрела на него широко расставленными огромными глазами, еще более выразительными от застывшего в них испуга.

– Дорогая! Слава Богу! Я так рад тебя видеть живой! – распахнув приветственные объятия, Шалкар без промедления заключил в них растерянную певунью.

– Боже мой, ты ужасно похудела! Куда делась моя прелестная любимая девочка! Одни глаза остались! – сокрушенно вздыхая, охая и причитая, он слегка отстранил от себя девушку, удерживая ее за плечи. – Бедняжка... – бездонно черные глаза наполнились скупой влагой. – Сколько всего ты натерпелась...

Не выпуская из рук потерянно таращившуюся на него девицу, Шалкар ласкал ее сочувственным взглядом.

– Ты забыла меня... Солнышко мое... Ты все забыла...

Осторожно, словно имея дело с глубоко больным человеком, Шалкар подвел онемевшую от его неожиданно близкого вторжения красавицу к расстеленной кровати и бережно усадил на белую простынь. Сел рядом, ссутулившись в переживании неподъемного горя, и исполненными неподдельной грусти движениями принялся ласково поглаживать ее струящиеся каштановые волосы.

– Кто вы? – придя в себя под настойчивой нежностью, спросила девица, от смущения глядя в открытое окно. За окном вскипала зелеными каскадами бурная зелень молодых деревьев. Сад вокруг здания поражал полнотой жизни и резко контрастировал со смертельным равнодушием больницы. Она любила созерцать неистовство этой жизни, различая все новые и новые оттенки цвета в море зелени за окном. Но сейчас сад отчего-то отталкивал ее... Нет, она сама не могла смотреть на него, зачарованная этим странным незнакомцем. Бездонный холод, плещущийся в глубине его горячего взгляда, пробирался ей под кожу, вливался в вены, обволакивал сердечный ритм... Девушка зябко поежилась и бессознательно принялась растирать себе замерзшие предплечья. Крупные мурашки «гусиной кожи» разбежались из-под ее пальцев... Она будто отвергала саму себя, сопротивляясь чему-то прежде безопасно далекому в себе, но теперь ставшему чересчур близким...

– Замерзла, девочка моя... – обняв хрупкие дрожащие плечи, тревожно пробормотал Шалкар. В ответ на его прикосновение девушка слабо вскрикнула, пережив самую странную боль из всех, когда-либо познанных ею. Обжигающая смесь ледяного холода и яростного огня, существующих в единстве непостижимого союза, атаковала ее снаружи и изнутри. Она хотела оттолкнуть фамильярного дядьку, но боль отступила раньше, чем ее побуждение перешло в действие. Успокоение безразличия затопило сознание, и девушка расслабленно приникла к груди незваного благодетеля.

– Меруерт, крошка, все будет хорошо, – продолжая поглаживать ее голову, приговаривал Шалкар. Внезапное вторжение извне в их совместный мирок ничуть не сбило с ритма его хозяйски властную руку. Обернувшись на звук, он еще крепче прижал к себе ослотившую и ослабевшую девушку.

Дверь без стука отворилась и на пороге возникла медсестра с кривоватым подносом в полных руках. Запах казенной еды начал въедливо расплзаться по палате. Приторно елейная улыбка медработницы неприятно подчеркнула ее профессионально равнодушное настроение.

– Меруерт, это твой дядя! – чересчур выразительный кивок перекрашенной хной головы был подхвачен щедро умильной гримасой Шалкара. – Он так волновался за тебя! Так волновался! Места себе не находил! – заботливый щебет девицы перемежался сдобными взглядами, с прицельной меткостью бросаемыми на мужчину. – Я никогда видела, чтобы кто-нибудь так убивался из-за своей племянницы! – колючие нотки ревности выскочили из потока слов и болезненным рикошетом прошли по растерянной душе Меруерт.

Наградив Меруерт самой слащавой из имеющегося арсенала неискренних улыбок, медсестра, видимо, решив, что сеанс успокаивания больной успешно проведен, прошла к прикроватному столику и небрежно водрузила, почти кинула на него перекошенную плоскость подноса. Тот сразу же едва не скинул с себя чашку с подозрительно желтоватым чаем, но был вовремя остановлен властной рукой Шалкара. Обхватив ее обеими руками, словно желая сбегать остывающее дыхание целительной жидкости, Шалкар осторожно поднес посудину ко рту Меруерт.

– Но... но я вас не помню... – непослушными от расстройства губами прошептала девушка, жалобно глядя поверх чашки на прибывшего к ней родственника.

– Конечно, не помнишь! – дружным дуэтом вскричали медсестра и Шалкар. Вздвогнув, Меруерт судорожно схватилась за чашку как за спасительный круг и опрокинула ее содержимое себе на колени.

Досадливо поморщившись, медсестра обтерла ее мокрый халат бумажными салфетками.

– Милая девочка, конечно, ты не помнишь, – отняв у Меруерт чашку и бережно взяв ее за руку, проникновенно тихо сказал Шалкар. – Ты ничего не помнишь. И это немудрено. Ведь ты... – голос Шалкара наполнился дрожью невыплаканных слез, и Меруерт в свою очередь интуитивно-сочувственно сжала его руку. – Ведь ты пережила ужасный стресс. Совершенно немыслимое испытание... – не в силах более сдерживать эмоции, защищаясь от боли подступивших воспоминаний, Шалкар прикрыл ладонью глаза. – Ты потеряла память.

Солнце ласково оглаживало комнату золотистыми чувственными касаниями... Крохотные веселые пылинки прыгали в потоках приглушенного тепла, радужными огоньками отражаясь в мечтательно застывших глазах Меруерт...

– А еще вот случай! Представляешь, когда мы пошли с Арманом, твоим отцом, купаться на речку, мама, а она страшно боялась, что мы утонем, сказала: если утонете, домой не приходите! На полном серьезе сказала, строго так! А мы ходили на речку каждый день – и в дождь, и в жару! И во-о-от таких раков там ловили, голыми руками! Они на нас насакивали из глубины, норовили на дно утащить и сожрать! Однажды я даже в воду свалился, такой рак здоровенный попался! Но Арман прыгнул на него и пяткой как даст промеж глаз! У рака аж усы в косичку заплелись! Вдвоем мы его одолели. Насилу из воды вытянули. Мать варить отказывалась – он в кастрюлю не влезал! Пришлось у соседки казан для плова брать. У нее же в семье пятнадцать едоков было! Самый вкусный рак на моей памяти – тот самый. Добытое в бою, оно всегда слаще! – радостная скороговорка Шалкара, целиком ушедшего в переживание счастливого прошлого, то и дело воплощалась в робкие улыбки Меруерт, вспыхивающие от искренне соразделенного веселья. Заражаясь его безудержным, как часто бывает после перенесенного страдания, смехом, девушка заливисто хохотала, с восхищением вглядываясь в искрящиеся глаза дяди. Шалкар, казалось, был полностью захвачен переживаемыми добрыми

воспоминаниями. Как маленький мальчик, он подпрыгивал на кровати, вскакивал с нее, размахивал руками, бегал по комнате и даже приседал, стараясь красочнее нарисовать внезапно ожившее в памяти событие. И, надо отметить, ему это отлично удавалось. Вновь усаживался на кровать, отирал пот с крутого интеллектуального лба. И всякий раз не забывал бережно прижимать к себе раскрасневшуюся от веселья девушку.

– Что там, наверняка тебе отец рассказывал, и куда лучше, чем я... Да, рассказчик он был от Бога! Не зря писал всю жизнь. Пусть и в стол, но какие это были рассказы... Жизненные. Потому и за душу хватили, за самое сердце... – возбужденно блестя глазами, делился впечатлениями Шалкар. Его взгляд туманился от приятных воспоминаний, приобретая еще большую глубину. Меруерт, будучи не в силах оторвать глаз от неодолимо харизматичного визави, безвольно, но с каким-то потаенным удовольствием тонула в его все нарастающей теплоте. Его ли теплоте... Сколь часто против кого-либо используется его же сила или слабость, качество его характера... Ведь чем иным чаще всего оказывается любовь, если не притяжением к самому себе, пусть и спроецированным на внешний предмет обожания?

Околдованная манящей бездной взгляда Шалкара, она безотчетно следовала за предложенными ей картинками памяти, даже не задумываясь о том, образы своей ли жизни она перепросматривает под чутким руководством извне. Границы между пространством ее и другой личности стерлись, и девушка совсем не замечала болезненных уколов острых льдинок, назойливо выходящих вокруг ее души...

– А потом мы, наловив полное ведро мелкой рыбешки, шли домой и мать все это жарила... Кстати, твой отец решил стать врачом, когда нашу маму укусило сразу два скорпиона, помнишь? Они спрятались в кухонном полотенце. Маму тогда еле откачали. Ну, Арман и решил, что будет спасать человеческие жизни, чтобы уж наверняка... Наивный был, но добрый очень... Как мне его не хватает. Каждый день слышу его голос в своей душе. Эх, сколько мы могли бы сделать вместе, если бы не эта чертова автокатастрофа...

– горе, оказывается, способно жить тайной жизнью в подспудье человеческой души! Тщетно пытаясь сдержать подступающие слезы, Шалкар закрыл глаза дрожащей рукой, а другой робко, в поисках поддержки, коснулся руки Меруерт. Поддавшись мощному сочувственному порыву, возникшему из самой глубины ее души, она схватила обеими руками его руку и разразилась потоком долгожданных слез... Ведь она не плакала с того страшного дня... С того момента, когда ее жизнь была почти что утрачена... Совместное страдание объединяет надежнее совместного счастья. Наплакавшись вдоволь, Меруерт и Шалкар доверчиво затихли в родственных объятиях друг друга...

– Самое главное, что ты осталась жива, – голос Шалкара, вернувший ее во внешний мир, прозвучал словно из самого ее сердца. Но в то же время он был невыразимо далек от него... какое-то новое качество ее сознания, ставшее вдруг слишком явственным, смутило девушку и заставило обратить на себя внимание. Однако повелительно-заботливый тон дяди не позволил ей изучить непривычность своего состояния.

– И я могу теперь выполнить свой долг, сдержать слово, которое дал моему любимому и единственному брату, – стремительным движением Шалкар промакнул слезы на глазах бумажным платком, явно стараясь скрыть свою эмоциональную слабость от Меруерт. Она деликатно отвернулась, верно истолковав этот жест. Черт, ему никак не удастся взять себя в руки! Как же незащищенная девушка сможет довериться мужчине, который не в силах совладать даже с собственными чувствами... Но какой он искренний и милый в своей эмоциональности! Выходит, ему так же плохо, как ей. Нет, еще хуже, он же мужчина, а мужчины плачут в состоянии подлинной безысходности... Значит, ему необходима ее помощь.

– Папа с мамой погибли, когда мне было шесть лет, – неожиданно для нее самой сорвалось с ее губ. – Вроде он был один в семье...

– Да, солнышко! – сочувственно подхватил Шалкар, скрыв досаду перед слишком быстро возвращающейся памятью за понимающей улыбкой. – Когда человек теряет память, то требуется время для ее восстановления. Ты будто потеряла фильм своей жизни среди других фильмов. И бывает непросто отличить кадры из забытой жизни от однажды просмотренных чужих эпизодов. Твои друзья, родственники, одноклассники... Они же наверняка рассказывали тебе о себе, вы вместе что-то делали. Иногда при возвращении памяти нам вспоминаются детали судьбы других людей... Это надо пережить... Неприятно, но что поделаешь... Придется некоторое время попутаться в воспоминаниях, – Шалкар ободряюще похлопал девушку по руке. – Меруерт, прорвемся! Мы же вместе!

Проникновенный теплый взгляд из-под густых ресниц Шалкара полыхнул ослепляюще буйным пламенем.

– Я с тобой, сокровище мое! Твой отец завещал мне заботиться о тебе. Он предчувствовал свой ранний уход из жизни. Постоянно твердил мне: «Шалкар, я проживу недолго. Позаботься о Меруерт. Она безумно талантливая, но слабенькая и доверчивая девочка. Она – надежда нашего рода». Ты потом вспомнишь, как много я сделал для тебя уже, как долго я...

– Рода? Я надежда рода? – со спасительным недоумением ухватившись за оброненную дядей фразу, оборвала его повествование Меруерт. – Да что во мне такого особенного?

Солнечный свет, золотистым морем плещущийся в палате, не смог заглушить восхищенного блеска глаз Шалкара. Пару мгновений он смотрел на девушку, потом, уступив распирающему душу чувству, соскочил с кровати и, встав навтыжку перед обомлевшей Меруерт, ответил ей почтительный поклон.

– Что... что вы делаете... – растерянно забормотала девушка, неудержимо заливаясь равномерно багровой краской стыда. – Вы издеваетесь надо мной?

Шалкар молчал, опустив голову, и в его почтительно склоненной фигуре выражалось столь искреннее благоговение, что Меруерт невольно проникалась силой и глубиной чужого чувства. Было в ней, простой девушке, потерявшей о себе всякое представление, что-то особенное и уникальное, раз этот мужчина, несомненно, умный и сильный, боится оторвать от пола свой взгляд... Чем-то она его превосходит. И самое главное – он безоговорочно признает и уважает ее превосходство.

Ощущение своей особенности было столь интенсивным и ярким, что на долю мгновения Меруерт вспомнила себя... Она была... Она есть... Потрясенная, она протянула руку навстречу дяде, стараясь передать ему переживаемое состояние, открыла рот, готовясь произнести нечто очень важное... И встретила взглядом с Шалкаром, поднявшим, наконец, голову. Тьма, безраздельная и неизмеримо глубокая, плескалась в его бархатисто-черных глазах... И свет, вспыхнувший было в ее пробуждающейся душе, угас, смутным туманом неуловимых образов рассеявшись между двумя противоборствующими видами действительности. Явная реальность, представленная взором Шалкара, оказалась намного сильнее реальности скрытой, робкими попытками проступающей в душе Меруерт...

Сколько продлился их бессловесный поединок, Меруерт не знала. Она смотрела в глаза Шалкара, и образы ожившей памяти таяли один за другим, подчиняясь его воле. Она чувствовала, что потеря воспоминаний о прошлой жизни, случившаяся после перенесенного ею, и тоже забытый несчастный случай, – ничто по сравнению с той утратой, которую она несла здесь и сейчас. Растворяясь в пристальном взгляде Шалкара, она непроизвольно, по причине сегодняшней слабости, отдавала ему нечто крайне для нее важное. Она постепенно теряла себя в будущем. И степень данной потери была поистине колоссальной.

Образы, всплывающие из воспоминаний, поднимающихся из основ ее памяти, таяли один за другим с катастрофической неизбежностью. Меруерт почти смирилась с этим своим растворением в воле другого человека, когда вдруг острая волна жалости к себе поднялась из ее сердца. Воспоминание, смутное, едва различимое в череде предыдущих отблесков ее лично-

сти, встало перед внутренним взором девушки и принялось вызывающе медленно исчезать, вызвав странный резонанс в ее душе. Жалость к себе сменилась страстным желанием удержать заветный образ, но он неуклонно ускользал от нее в зловещий мрак шалкаровских глаз, притягиваемый ими как магнитом. В последней попытке сохранить себя Меруерт инстинктивно подалась вперед и вцепилась обеими руками в плечи дяди, присевшего перед ней на корточки. Тот, следуя то ли ее, то ли своему порыву, тоже наклонился к племяннице, уверенным жестом прикрыв ладонями ее предплечья. И в этот момент сила, столь безжалостно отбиравшая у Меруерт ее жизненный опыт, вдруг остановилась, будто закончившись. И образ, за который шла борьба, застыл парящим голографическим изображением в точке соприкосновения двух взглядов: Шалкара и Меруерт. Произошло нечто невероятное: память человека, его, казалось бы, сугубо личная собственность, невозможная к чужому обозрению, вышла за пределы конкретной индивидуальности и предстала перед своим источником отдельной от него реальностью. Или все-таки совместной?

– Ты вспомнила, – тихо произнес Шалкар, выудив Меруерт из потока настигающего ее осознания.

– Я вспомнила, – эхом отозвалась девушка. Благодарность себе за то, что у нее получилось отвоевать у собственного состояния самую важную часть себя, смешалась в ее сознании с пугающим ощущением своей непричастности к данной победе. Она не стала противиться побуждению припрятать в глубине сердца сокровенное воспоминание. Как несколько минут назад Шалкар, Меруерт закрыла глаза, отгораживаясь от внешнего мира. И не заметила довольной ухмылки дяди, зловещей тенью промелькнувшей по его лицу. Создание общего с человеком внешнего и внутреннего пространства – основная победа на пути к завоеванию его души. Пусть она думает, что может оставаться наедине с собой. На самом деле тот, кто оставил душу без присмотра, уединяется с новым претендентом на ее территорию – с Шалкаром.

– Но все это ерунда. Самое главное у нас с тобой впереди, – Шалкар ласково смотрел на нее. – Просто чудо, что, пережив клиническую смерть, ты не утратила свой талант. Ты все еще замечательно поешь!

«Похоже, непонимание вошло у меня в привычку...» – грустно подумала Меруерт, рассматривая солнечных зайчиков, бесстрашно прыгающих по гладким черным волосам Шалкара. Отблики света щедро рассыпались по комнате, отражаясь от блестящих листьев деревьев за окном. Странно, но Меруерт никак не могла избавиться от ощущения, что эти солнечные крохи исполнены самой настоящей жизни... Их вроде бы хаотический танец складывался в некое послание, которое надо было понять... Что-то невыразимо важное крылось в простых передвижениях пятен света... И оно вот-вот откроется ей... Ответ Шалкару вертелся у нее на языке... Но тут таинство солнечных бликов исчезло, и она вновь увидела себя смотрящей в черные как ночь глаза Шалкара. Взяв ее за подбородок, он направил ее взгляд в нужную ему сторону. Мгновение озаренного сознания снова вспыхнуло в душе Меруерт, слегка погасив невыносимость панического ужаса, вдруг вскипевшего в ее сердце. Она не отражалась в глазах Шалкара. В них вообще не отражалось ничего. И в то же время сквозь блестящую роговицу вполне человеческих глазных яблок на нее смотрело абсолютно бесчеловечное Ничто.

– Но я не пою... – слабый писк сорвался с моментально пересохших губ, и он был похож на последний призыв о помощи. Боже, кто сумеет ей помочь! Она не только потеряла память, утратила способность понимать суть происходящего, но и разучилась выражать свои мысли! Совсем не это она хотела сказать! Но что же именно? Ответ, появившийся несколько мгновений назад, испарился вместе с желанием выразить его вслух...

– Как же не поешь, еще как поешь! – с победным энтузиазмом отозвался Шалкар и выпустил ее лицо из ласково-цепких пальцев. Но Меруерт не почувствовала себя освобожденной. Как зачарованная, она продолжала таращиться на говорливого родственника. – Память вер-

нется, и ты все вспомнишь. Ты же пела вот только что, когда я подходил к твоей палате. И мое сердце пело в унисон вместе с твоим!

– Но я... не помню... – беспомощно ответила девушка и от невыносимости облегчения откинулась на подушку – вот сейчас она сказала именно то, что подумала.

– Пора поставить систему! – бодрый голос медсестры врезался в возникшую паузу одновременно со звуком открывающейся двери. И снова тень довольной улыбки пробежала из одного уголка рта Шалкара в другой. Меруерт с непонятной ее сердцу надеждой воззрилась на ворвавшуюся в палату девушку.

– Знаешь, милочка, – охотно подхватила та только что оборванную нить внутripалаточного разговора, чем вызвала у Меруерт опасение в достаточном звукоизоляционном качестве двери, – ты поешь несколько раз в день и даже ночью! А потом не помнишь этого. Врач говорит, это связано с потерей памяти. Твоя личность словно раздвоилась после пережитого. Когда ты вспомнишь себя, то восстановишь ее целостность. Чтобы не мешать восстановлению, врач разрешил тебе петь и ночью! А голос у тебя просто божественный! – говоря все это, работница здравоохранения устанавливала систему рядом с кроватью больной. Делала она все как-то излишне осторожно, словно стараясь не заглушить посторонними звуками своего голоса. Очевидно, она гордилась тем, что может поучаствовать в рождении новой звезды.

– Я обязан словом, данным твоему отцу, развивать твой талант! Ведь ты пела практически с пеленок! Твой детский плач – это были не крики, а божественное звучание новорожденного Голоса! – Шалкар в восторженном порыве, ободренный вовремя подоспевшей поддержкой медсестры, схватил обе руки обмякшей на кровати Меруерт. – Ты уже прошла обучение у лучших зарубежных мастеров вокала, как же мы можем все бросить на полпути! Столько усилий и... денег вложено... – упомянув деньги, «дядя» бросил осторожный взгляд на «племянницу». И тут же отвел глаза, обменявшись понимающими улыбками с медсестрой. Теперь они оба выжидающе, с едва уловимым предупреждающим осуждением взирали на Меруерт. Та с трудом сглотнула вставший поперек горла ватный комок. Ощущение удушья становилось вполне реальной физической угрозой...

– Конечно, дядя Шалкар, – еле выдавила из себя Меруерт и судорожно вздохнула. Стоило ей произнести эти простые слова, как удушающий кляп исчез, и больничный воздух сладкой жизнью полился в жадно расправившиеся легкие. – Я буду петь... Хотя, как мне кажется, я очень люблю готовить и печь... – Меруерт замерла, с испугом прислушиваясь к ощущениям внутри горла, но удушающий комок больше не появлялся.

– Пеки на здоровье! – неожиданно громко расхохоталась медсестра, накладывая жгут на бледную руку больной. – Одно ж другому не мешает! Талантливый человек талантлив во всем! Будущему мужу повезет вдвойне! Жена звезда и прекрасная хозяйка! – казалось, цитирование заезженных высказываний доставляло медсестре особую радость, создавая иллюзию (у нее или у других?) интеллектуальной развитости.

При упоминании возможного мужа лицо Шалкара приняло традиционно строгое выражение:

– О замужестве думать пока еще рано, – металлические нотки в его голосе с неприятным звуком резанули по стерильной прозрачности палаты, и Меруерт невольно поморщилась.

– Дядя Шалкар, – растерянно пробормотала она, пытаясь сменить опасную тему. – Видимо, моя память не скоро восстановится... Я забыла, где ты работаешь... И как мы будем развивать мой талант... Раз уж папа так хотел...

– Я музыкальный продюсер, деточка. А работать мы с тобой будем в прекрасной команде. Ты всех их давно знаешь, моих артистов. Со временем вспомнишь. Я тебе во всем помогу, – с сочувственной улыбкой Шалкар чмокнул девушку в щеку. – А теперь я пойду, тебе надо отдохнуть. Слишком я тебя взволновал...

Меруерт и не заметила, как ее дядя оказался у выхода из палаты. Забытие, расслаивающееся на смутные образы только что пережитых впечатлений, обволокло ее уставшее сознание. Не оглянувшись на девушку, Шалкар закрыл за собой дверь, не издавшую ни единого звука. Сытое выражение на его лице – гримаса победителя – за дверью сменилось маской полного равнодушия, как раз в тот момент, когда стерильная сталь медицинской иглы вонзилась в голубоватую вену на расслабленной руке Меруерт...

Глава 3

Жестокие игры доброты

Кресло дергалось, пищало и заходило приглушенными нервными всхлипами. Со стороны Амадео, склонившийся над взбесившимся предметом интерьера в убеждающем монологе, выглядел неподдельно сумасшедшим человеком.

– Послушай, нельзя же так! Пойми, ничего страшного не случилось! Это недопонимание сторон! – несмотря на приводимые доводы, кресло никак не убеждалось и продолжало натужно булькать и всхрюкивать.

– Красавица наша, – обозначил отчего-то женскую принадлежность кожаного сиденья со спинкой Амадео и приветливо прихватил его (или ее?) за подлокотники. – Ну послушай, все образумится. Вообще ведь ситуация смешная, тебе не кажется? – высоченный атлет склонился еще ниже, сложившись практически вдвое, и придал лицу выражение искусственной радости, обычной для людей, мучающихся ядреной смесью жалости и злости.

Но креслу ситуация, известная ему и владельцу, смешной совсем не казалась. В ответ на предложение посмеяться седалищная часть кабинетного комплекта особенно сильно дернулась, почти завалилась на пол и непременно свалилась бы на бежевый мягкий ковер, если бы не сильные руки Амадео, удержавшие-таки свойственную данной мебели пространственную диспозицию. Остановленное в своем сопротивленческом порыве, кресло завибрировало в руках изумленного хозяина, разродясь каскадом истерических, явственно женских воплей.

– Я... я... я... больше так не могу... – завопило оно, захлебываясь собственными криками. – Сколько это может продолжаться! Бессовестная травля! Меня! Меня!!! Меня... – подпрыгнув в отчаянной попытке донести хозяину силу своих эмоций, мебель пребольно ткнулась чем-то острым ему в ноги. Охнув, Амадео выпустил подлокотники и отшатнулся. Кресло, лишенное опоры, моментально вышло из состояния должного равновесия и неуклюже запрыгало на месте. Амадео отпрянул снова, едва успев увернуться от удара в грудь мощной спинкой разбушевавшейся мебели. И тут же, намереваясь усмирить разрастающийся хаос, ухватился за нее. Его ладони сдерживающей силой легли на плечи худенькой черноволосой девушки, скорчившейся в бездонных кожаных недрах.

– Вот, вот, что они написали мне! Эту мерзкую смс-ку! – с лицом, перекошенным от ярости так, что далеко не с первого взгляда становилась очевидна его потрясающая красота, девица пыталась продырявить дрожащим указующим перстом экран мобильного телефона. – Они винят меня в срыве прошлого концерта! Они!!! – вдруг голос ее перешел на оглушительный визг. – Они все меня ненавидят!!! ВСЕ!!! Я так больше не могу! Я не вынесу! Я лучше умру, чем терпеть все это!!!

Торпедированным снарядам девица выскочила из вмиг омертвевшего кресла и опростельтю бросилась к шоколадному прямоугольнику запертой двери.

– Я убью себя! – оглушительный вопль, исторгнутый ею где-то посередине пути, быстрее своей родительницы достиг желанной цели и разбился об нее тучей нотных осколков. Невидимой, но чересчур хорошо слышимой смерчеобразной воронкой они закрутились вокруг разгневанной особы, чья костлявая рука с неестественно длинными ногтями, протянутая было к латунной дверной ручке, беззащитно ткнулась в мощную грудь возникшего на ее дороге Амадео. Кресло, через которое мгновение назад он перемахнул в один огромный прыжок, инерционно кружилось вокруг вновь обретенной оси. Схваченная в охапку, девушка забилась в конвульсиях нарастающей истерики и с остервенением швырнула в глубины комнаты сотовый телефон, зажатый в другой, не удерживаемой Амадео руке. С хриплым стоном несчаст-

ный аппарат явил миру детальное содержимое своего нутра. Выпустив этим актом разрушения раздирающую ее агрессию, девица безвольно повисла на руках монументально неподвижного мужчины, обливая его рубашку потоком неудержимых слез.

– Ну-ну-ну... – убаюкивающе забормотал Амадео, одной рукой сжимая анорексичное тело молодой женщины, а другой поглаживая ее по волосам. – Вот и хорошо... Вот и умница...

– Они ненавидят меня, значит, я ужасная... Я недостойна петь... Я бесталанная... Я ненавижу себя... Они правы... Я не должна жить... – слабые истерические всхлипывания надежно заглушались широкой грудью Амадео, с готовностью вбирающей в себя жалобы и стоны неимоверно страдающего создания.

– Зачем же так убиваться... – чуть улыбнувшись, он слегка похлопал и погладил девушку по нервно вскидывающимся плечам. – Они не хотели причинить тебе зла, я уверен. Просто вы недопоняли друг друга...

– Зачем же так убиваться... – беззвучно, одними губами, явно наслаждаясь их значением, повторил слова Амадео пожилой полноватый мужчина, плотно прильнувший к двери с противоположной ее стороны. – Вы же, мисс звезданутая вселенная, так не убьетесь...

На большом усталом лице с крупным носом и глубоко печальными глазами застыло выражение удовольствия и презрения. Мясистое ухо, прижатое к резному дереву, казалось, жило собственной жизнью, аккуратно исследуя дверь на предмет лучшего места для подслушивания. Голова и все тело, словно огромный ее придаток, послушно перемещалось вслед за ушной раковиной. Периодически грузный мужчина то сильнее вжимался в дверной массив, стараясь расслышать тихо ведомый разговор, то слегка отодвигался от него, оберегая свой слух от резких звуковых ударов. Последний из них, видимо, оказался неожиданным и слишком ощутимым, и мужчина отскочил от двери, с недовольной гримасой потирая покрасневшее ухо. Деревянная плоть перед ним истошно вопила женским голосом, и прекрасно услышать все слова можно было, находясь и в нескольких метрах от нее.

– Как недопоняли! – внезапным басом взревела девица и изо всех сил толкнула Амадео в грудь. Мужчина, потрясенный столь резкой сменой тембра, едва не выпустил добычу из рук, но в следующее мгновение сжал ее чуть сильнее.

– Как недопоняли! – вновь перейдя на визг, однако несколько придушенный, голосила несчастная. – Они хотят, чтобы я не принимала участия в концерте, потому что они все против меня. Все, понимаете?! Все до одного! Они сделали из меня козла отпущения! – с этими словами она яростно и как-то даже сладострастно впиалась в удерживающую ее мускулистую руку белоснежными мелкими зубами. Вскрикнув, Амадео слегка отстранил от себя зарвавшуюся драчунью, не выпуская ее, однако, из вынужденности своих объятий. Ухватив скандалистку за плечи, он несильно встряхнул ее, приподняв над полом. Этого оказалось достаточно, чтобы девушка переключилась с лютой агрессии на безутешную жалость к себе и щедро оросила недавно покусанную плоть каскадом вовремя подоспевших горячих слез.

– Скорее, козу отпущения, – обронил колючие слова в густой ворс ковра пожилой толстяк, прильнувший к двери другим, не пострадавшим пока еще ухом.

– Александр Евстигнеевич! – неожиданно и совершенно некстати ответил ему приятный женский голосок. Толстяк вздрогнул почему-то одним животом и поспешно отошел от двери в сторону стоящего в центре приемной дивана.

– Я здесь, – отозвался он, в скорбной позе опытного мыслителя усевшись на сдержанно зеленеющий велюр дивана. Взгляд глубоко и надолго погрузившегося в себя человека напрямую не встретил вошедшую в комнату изящную девушку. Но сразу поймал ее в обширные сети поля периферийного зрения. Не покидая образа философской озабоченности, Александр Евстигнеевич мгновенно отметил и винтажное платье новоприбывшей, и ее блекло-русые волосы, собранные на затылке в ретро-пучок, и нервно теребимый в руках внушительный ридикюль. Усилием воли мужчина сдержал поползшую было вверх бровь: здоровенная сумка

удивительно гармонично сочеталась с непропорционально широкими кистями рук девушки, разбивая архаичность ее женственного образа на ряд несовместимых друг с другом частей. Весь ее вид громогласно противоречил времени и месту, эпатируя и вызывая сочувствие одновременно. Александр Евстигнеевич давно привык к ее странной дуэли с собственной женской судьбой, но всякий раз при появлении сей особы не мог противостоять своей внутренней улыбке.

– Александр Евстигнеевич! – стараясь привлечь внимание толстяка, с легким напором повторила винтажная девушка, направляясь к оккупированному дивану. – Вы не видели Веронику? Мы хотели обсудить с ней порядок выступления на субботнем концерте. Ребята заняты на репетиции и попросили меня спросить Веронику...

Не успев закончить фразу, она взмахнула гигантской сумочкой, инстинктивно стремясь отмахнуться от надвигающейся на нее беды.

Дверь в конце комнаты с демонстративным шумом распахнулась и оттуда медленно вышла, а скорее – выплыла черноволосая молодая женщина, вытирая большие красивые глаза явно мужским носовым платком. В ее взгляде сквозило нескрываемое торжество. Слезы, наполняющие глаза, не только не скрывали их выражение, но напротив, служа увеличительной линзой, преподносили его окружающему миру в отталкивающей совокупности мельчайших деталей. Увидев в приемной винтажную девушку и пожилого мужчину, брюнетка сморгнула, застигнутая врасплох, и в следующий миг подверглась таинственной метаморфозе. Александр Евстигнеевич непроизвольно передернул плечами: он так и не смог смириться с молниеносностью данных трансформаций, зрителем которых он становился неисчислимое множество раз. Ощущение, что в теле этой дамочки обитает сразу несколько личностей, не покидало его никогда. И также никогда он не мог перебороть растерянность, мучительно испытываемую им при наблюдении за уходом одной и появлением другой ее персоналии. Действительно ли она была сумасшедшей (но отнюдь не душой) или же просто являла миру высшую одаренность гениальной актрисы – Александр Евстигнеевич так и не определился с ответом. Но точно знал одно: искренне полюбить эту женщину так трудно, что почти невозможно.

Боль от несправедливо поправленной добродетели разливалась из бездны невыплаканных слез, стоявших в ее взгляде и грозивших безжалостно утопить в ней всех виновных и им сочувствующих.

Красный от негодования Амадео, тенью надвигающейся грозы возникший за ее спиной, шумно отдувался от пережитого и грядущего напряжения. Молнии, мятущиеся в его глазах, искрили в окружающее пространство. Предгрозовая тишина нависла над окаменевшем в деланном раздумье толстяком на диване и винтажной девушкой, одинокой белой березкой в поле принявшей на себя первый удар штормового ветра.

– Что вы себе позволяете! – раскат начальственного рыка привычно не застал врасплох никого, но, как всегда, заставил содрогнуться каждого. – Завидовать и оскорблять человека только за то, что она хорошо спела! Лишать ее возможности творческого выражения! Пако-стить за ее спиной, а потом плевать ей в лицо гадости!!! Да еще своевольничать за МОЕЙ спиной! Кто позволил решать – кому выступать, а кому нет?! Это я здесь решаю!!! Всех штрафую на пятьдесят процентов от гонорара! И чтобы живо все извинились перед ней. Где остальные? ГДЕ?!

Свирепый взгляд тигром бросился через приемную и за шкуру выхватил из спасительного диванного уюта обомлевшего Александра Евстигнеевича, кинув его на передовую развернувшейся битвы.

– Всех сюда! Живо!

Пожилый мужчина как-то невообразимо быстро вернулся в активное состояние бытия и полупрозрачной тенью исчез за другой дверью, провожаемый сомнительными аплодисментами – растерянными хлопающими ресницами побледневшей винтажной девушки.

– А ты что стоишь как вкопанная! – повторный начальственный рык отнюдь не придал девичьему лицу большей осмысленности, но попытка не осталась без результата – девушка заморгала еще старательнее, силясь осознать происходящее. Возможно, усиленное хлопанье ресницами улучшает мозговое кровообращение, кто знает? Зачем-то ведь она это делала...

– Сказано – извинись перед Вероникой, живо! – огромная ладонь Амадео бережно накрыла мелко подрагивающие плечи черноволосой красотики.

– Да это она, она их надоумила объявить мне творческий бойкот и написать эту гадость, ОНА!!! – комки яростной жалости к себе срывались с искривившихся от гнева губ и раскаленной картечью летели в сторону беззащитной в своей растерянности соперницы. – Анжелика, зачем ты это сделала? Ведь ты моя подруга! – метнув в лицо «негодяйке» заветное обвинение, Вероника отвернулась и, опустив плечи, мелко задрожала теперь уже всем телом.

– Я?! – неожиданно для себя обнаружила собственное активное присутствие винтажная Анжелика, чья защита растерянностью была полностью уничтожена безжалостной атакой Вероники. – Ты о чем? Я ничего тебе не писала! Мы тебя уже два часа ищем. Надо согласовать план выступлений для предстоящего концерта.

– Каких выступлений? Какой план? – Амадео закрутил головой, продолжая удерживать обеими руками и не пытавшуюся вырваться из его объятий Веронику. Лишенный возможности жестикулировать, он соображал медленнее, чем обычно. – Вы же ей написали смс-ку, вот... ну, вот же... – обшарив руки хлопающей носом красавицы в поисках телефона, он отсутствующим взглядом уставился на Анжелику. – А, ну да... она же его разбила...

Отстранившись от своей протее словесно, Амадео безо всякого труда перенес созданную им дистанцию на физический план. Крупными неспешными шагами он вдумчиво измерил пространство между враждующими женскими особями и остановился в стороне от них, образовав вершину равностороннего треугольника. Спокойная суровость взгляда, которым он сцепил в одну связку разобившихся было девиц, предвещала полноценную взбучку.

– Вы не имеете права принимать решения о выступлении или его отмене, равно как и о содержании концертной программы. Вы нарушили условия договора. Я ваш продюсер, и я один решаю, когда, как и с кем вам выступать! Дисциплина – залог вашего развития. И только под моим руководством!

– Мы ничего такого не писали ей! – принимая цвет молодой березовой коры, одними губами прошептала винтажная девушка. – Как бы мы могли!

– Это она написала! Это с ее номера пришло! – с испуганной злобностью прищемленной за хвост вороватой кошки прошипела Вероника и, скользнув быстрым оценивающим взглядом по каменному лицу Амадео, вновь разразилась потоком истерических слез. – Я убью себя! Они подлые люди! Вы мне не верите! Она все врёт! Они хотят меня изжить!

Обычно деревья падают, будучи не в силах противостоять порыву шквального ветра, или же попросту гибнут от руки человека. Огонь тоже не шибко щадит их внешне неподвижные жизни. Но бывает, что дерево, старое или молодое, теряет должное ему жизненное равновесие и валится на землю безо всяких на то видимых причин. Внутренняя слабость существа в этих случаях оказывается сильнее его внешних врагов. Винтажная девушка за несколько мгновений развернувшейся бури абсолютно вся (включая платье и ридикюль, полинявшие из жизнеутверждающих красок в невнятную пастель прямо на ней) приняла цвет первого, невинно чистого снега и без единого признака деятельного сознания плашмя рухнула на укрытый ковром пол. В отчаянной попытке подхватить ее падающее тело, Амадео прыгнул вперед, но столкнулся с непредсказуемостью возникшего на пути препятствия. О, сколь часто именно нежданные мелкие препятствия рушат тщательно построенные планы и долго лелеемые надежды! Споткнувшись о лежащий на ковре ридикюль, в попытке сохранить ускользающее уже от него равновесие, широко, как степной орел крыльями, он взмахнул длинными мускулистыми руками... Интересно, что в развороте происходящих с кем-либо перемен пре-

пятствием может оказаться любой объект, оказавшийся рядом не вовремя. Или – наоборот, вовремя... И если одно затруднение способно изменить курс личной или общечеловеческой истории, то другое, попадая под уже измененный курс субъекта истории, меняет собственное положение. Как правило, это изменение сугубо принудительно и зачастую весьма болезненно. Запланировавшая совсем иное развитие событий, уповавшая на защитные действия со стороны начальника, Вероника не ожидала, что его недюжинная сила развернется против нее самой. Уж она-то как никто другой знала сильные и слабые стороны шефа и не впервые ловко им манипулировала... Или, по крайней мере, думала, что манипулирует... Но иногда уверенность в том, что мы можем управлять внешними по отношению к нам процессами и силами, превращается из демонстрации своих превосходящих возможностей в фарс глупой самоуверенности. Последствия, увы, предсказуемо печальны...

Удар в нос, никак не ожидаемый ею в данном контексте, смешал все карты, отключив их владелицу от восприятия поля игры. Без единого звука Вероника свалилась... нет, не на пол, а на мирно лежащую на нем недвижимую Анжелику. Крест, образованный двумя телами недавних соперниц, был утвержден в своем существовании мощным третьим дополнением в виде Амадео, вбившим в его сердцевину неоспоримый авторитет своего присутствия. Подчиненный может что-то пропустить, начальник же – никогда. Понятное дело, что из всех троих только Амадео увидел, как в широко распахнувшуюся дверь вбежал вспотевший и красный его секретарь, Александр Евстигнеевич, подталкиваемый в спину взволнованной толпой приглушенно гомонящих юношей и девушек. И если аплодисменты являются высшей степенью одобрения зрителями развернувшегося перед ними действия, то гробовая тишина, наползающая на профессиональную или импровизированную сцену, свидетельствует совсем об ином к нему отношении...

Да, человек имеет выбор в актуальном событии проживаемой жизни. И каждое из событий способно повлиять на присущий ему способ удержания на весу собственной головы. К слову, внезапно свалившееся на нее счастье может совершенно спокойно пригнуть эту самую голову к земле, а не более ожидаемо обрушившееся на нее же бедствие иногда вызывает и вовсе, на первый взгляд, неадекватную реакцию. Человек, гордо несущий свою голову над штормовыми волнами неуправляемой им стихии под названием жизнь, грозящей затопить его целиком, редко вызывает искреннее уважение, чаще – осуждение. «У него крыша съехала на почве высокомерия», – слышится от любого встречного. Причина тому банальна до глубокой печали, рождающейся из ее осознания. Зависть... Но к чему именно? К тому, что в борьбе с этой самой стихией приходится принудительно, переступая через свою лень и предубеждение, растить и укреплять. Зависть к силе духа – наиболее распространенная в мире ее форма. И, пожалуй, единственная. Ведь что мы понимаем под процветанием, успешностью, властью, красотой, деньгами, талантами и другими явлениями человеческой активности? Наверняка возможность того или иного человека эффективно жить. А мера эффективности любой жизни – это качество силы духа, из которого она возникает. Зависть к чужой силе духа формируется на основе сравнения ее с собственной душевной возможностью. И данное сравнение необходимо для развития каждого человека. И что самое удивительное, чем дальше развивается человек, тем большей духовной силой он обладает и тем меньше пылевой грязи зависти оседает на его восприятие мира...

Прима, она и на больничной койке прима. Только она сможет гордо держать голову не только в стоячем, но и в лежачем положении подставленного под нее тела. Царственно возлежащая на белой подушке забинтованная голова Вероники выделялась среди прочего больничного инвентаря еще большей белизной. Она прямо-таки сияла ею, чересчур откровенно, практически истерично демонстрируя миру исключительность своего страдания и сопровож-

дающего его мужества. Случайный удар накачанной руки ее продюсера вызывал отнюдь не случайные изменения в жизнедеятельности девушки. Сотрясение мозга вкупе с переломом носа – дело нешуточное. И Вероника несла постигшее ее несчастье с полной мерой серьезности. Той самой серьезности, которая всегда предшествует чудесному превращению удара судьбы в ее дар. Да, Вероника мастерски умела извлекать выгоду из невыгодного положения. Счастливое несчастье – таков был ее жизненный девиз, идентичный девизу как духовно развитого человека, так и эгоцентричного манипулятора. Чем они различаются? отношением к себе и окружающим людям.

– Как жаль, что вы не смогли выступить сегодня! – робкий голос красивого молодого человека всколыхнул напряженную палатную тишину. Смущенно пряча бурю кипевших в душе чувств под ссутуленными плечами, темноглазый брюнет глядел на Веронику с предпотолочной высоты. Букет цветов, зажатый в его изящных руках, напоминал тонкое деревце, за которое он держался из последних сил, страхась потерять всяческое душевное равновесие. – На сцене вас очень не хватало... – мелодичный низкий голос был заглушен слабым судорожным вздохом с кровати.

– А-а-ах... – тонкая бледная кисть едва завершающим жестом легла на мраморно белый лоб, подчеркнув драматическую глубину взгляда запавших огромных глаз... – Не хватало? – чуть слышимый голос с кровати доносил до слушателей, несмотря на свою слабость, удивительную различимость каждого слова. – Вы же сами не хотели моего участия в том концерте... Вот и сбылось пожелание...

Полупрозрачная ладонь бессильно скользнула по лицу вниз и упала на простынь. Тяжелая пауза, обычная перед зачитанием приговора, мрачной тенью повисла в комнатной духоте.

– Я... Мы... Мы это... – темноглазый парень нервно затоптался на месте, явно разрываясь между желанием припустить с него галопом и остаться недвижимым. – Нет, мы... То есть я... Вот, это вам! – измучившись, он решил разорвать гордые узлы скрутивших его душу побуждений. Широко шагнув к кровати, он протянул вперед охапку разноцветных лилий.

– Это что, ты мне купил? – с притворной ласковостью, очевидной для любого человека, кроме того, кто влюблен в ее источник, спросила с подушки бледная немощь, на глазах наполнившаяся жизнью и принявшая вполне симпатичные человеческие очертания.

– Нет, это мне на выступление подарили... А я вам принес... – нехотая брякнул неожиданную правду томный красавец и тут же скрылся за густейшим слоем краски, бросившейся ему в лицо. С каждой новой секундой яснее и лучше осознавая свою ошибку, он пополнял палитру визажного половодья удивительным разнообразием оттенков красного цвета... Красочные лилии, виновато положенные им на край кровати, бессовестно контрастировали с тем, кому были предназначены – безликой бесцветной тенью, с тихим стоном замершей рядом с их упругими лепестками...

– Я не могу больше разговаривать... – слабым голосом произнесла тень. – Оставьте меня в покое... умоляю...

Толпа молодых мужчин и женщин, обнаружившаяся за спиной робкого брюнета, невидимая в глубине своего молчания, зашелестела, задвигалась и поспешно покинула палату. Высокий темноглазый парень, освободившись от букета как материального проявления терзающего его чувства, но все еще плененный неполнотой его высказанности, на несколько мгновений задержался у дверей, лаская долгим печальным взглядом безжизненный силуэт на кровати. Не уловив в нем ответных признаков столь дорогой ему жизни, со сдержанным вздохом он отступил в ожидающую его человеческую многоликость.

– Дурак ты, Расул! – напоровшись на жесткую грубость встретивших его слов, волоокый брюнет испуганно прижал руки к груди, защищаясь от надвигающейся на него безапелляционной реальности. Мужиковатого вида парень с ежиком светлых волос на круглой голове мощ-

ным плечом подпирает коридорную стену. Тихо гомонящие люди, разбредшиеся по тоннельному межкомнатному пространству, казались ненастоящими на ярком фоне его деревенского здоровья. – Кто ж так к бабе подкатывает... – нагло ухмыльнувшись, парень взъерошил огромной пятерней и без того вздыбленные волосы.

– Какая она баба! – вспыхнув, с негодованием выпалил брюнетистый Руслан, и темные пятна едва сдерживаемой обиды стали медленно расползаться по багровости его лица. – Она – королева... – воспоминание о любимой девушке приглушило бушующие в душе эмоции, растворив их в бездне восторженной нежности, раскрывшейся в его сердце.

– Королева тоже баба, – раздосадованный вернувшимся к собеседнику благодушным настроением и нормальным цветом лица, огрызнулся светловолосый парень. – Эх, всему тебя учить надо. Ладно, – отлепившись от стены, он снисходительно хлопнул Руслана по плечу, отчего тот взмахнул руками как крыльями, и слегка присел. – Подсоблю тебе, так и быть. Рас-тяпа.

– Мужлан... – сдавленный шепот разобиженного утонченного брюнета потонул в громо-вом гоготе размашисто зашагавшего по коридору брутального блондина.

Глава 4

Кукловод

Полумрак, царивший в комнате, казался каким-то бесконечным и вначале настораживающе, а затем и завораживающе живым. Никогда нельзя было понять, находясь в ней, вырастают ли из сего загадочного сумрака предметы интерьера или же в нем пропадают. Маревная неопределенность вроде как стабильного пространства пугала посетителей, впервые входивших в приемную Шалкара, но, странное дело, вскоре совсем или почти не замечалась теми из них, которые превращались в сотрудников его команды... Правда, у многих она неизбежно вызывала чувство неуютности и потерянности, особенно при долгом нахождении в офисе этого известного музыкального продюсера. Может быть, поэтому они предпочитали прятать досаждающий им душевный дискомфорт под обостренным переживанием вроде бы положительных эмоций и чувств... Впрочем, все эмоции и чувства, переживаемые людьми в шалкаровском владении, сначала отличались особенной остротой, а потом постепенно сходили на нет и вовсе пропадали...

Громоздкие в своей величественности, дорогие диваны и кресла из черной блестящей кожи с торжественной холодностью стояли вдоль обитых багровым матовым шелком стен. Вычурно выгнутые спинки и подлокотники мебели столь явственно напоминали изгибы надменных губ и высокомерную ироничность приподнятых бровей человеческих лиц, что всякий, сюда входящий, непроизвольно кланялся в безмолвный полумрак и чувствовал себя при этом необычайно в чем-то виноватым. Вальяжно разлегшийся посередине огромной комнаты не менее внушительный шелковый ковер, без сомнений, являлся тут полноправным хозяином. Действительно, не именно ли то, что выстилает наш путь, представляется им самим, а значит, и нашей судьбой? Ковер ли это или груда острых камней, а может быть, мельчайший белоснежный песок, скрывающий под собой коварную мягкость смертельной зыбучести, – каждый путь отражает свою суть в данной ей форме проявления...

Развешенные по стенам сюрреалистические картины отрешенно взирали на окружающих из загадочности своих разноликих миров... С ними, неожиданно для данного сумрачного спокойствия, непримиримо спорили прямолинейно и тяжело роскошные, расстилающиеся плотными складками по ковру портьеры из красного бархата, непонятно что именно скрывающие: то ли внешний мир от обитателей комнаты, то ли их самих от мира за окном...

Звуки смачных поцелуев отнюдь не портили общего впечатления от угрюмой величественности приемной, но, наоборот, подчеркивали и дополняли ее. Мужской и женский силуэты, слившиеся в одну, слабо различимую в полумраке фигуру, приютившуюся на дальнем диване, то ли отбрасывали, то ли собирали вокруг себя густые тени, вяло шевелящиеся в такт сладострастных стонов и вздохов. Тени, подчиняясь какому-то им одному ведомому ритму жизнедеятельности, то подползали к парочке вплотную, жадно следуя за бессознательно отодвигаемыми ступнями, то разбредались по ковру, почти рассеивались, вновь появлялись и зачем-то устремлялись к полуоткрытой в неясно светлеющее за ней пространство массивной темной двери...

Все когда-нибудь кончается, переходя из одной формы в другую, исчезая и образуясь снова... И порою переход из одной формы бытия в другую кажется легким, потому что манит обещаниями новых удовольствий и свершением заветных надежд... Усталый, но счастливый двойной выдох всколыхнул полумрак, заставив тени отпрянуть от двери и нервно забиться под многослойные портьерные складки возле плотно занавешенных окон.

– О, Альфео! – томный женский шепот волной невыносимо сладких духов распространился по комнате. Портьерные складки заволновались и снова замерли. Она, средних лет, нека-

зистой простоватой внешности, с коротко стриженными рыжеватыми волосами, затуманенным взглядом водянисто-зеленоватых глаз всматривалась в лицо жгуче черноволосого мужчины, чересчур крепко держащего ее за обе руки. – О, любимый... Единственный... О, мой ненаглядный...

– Донна белла, аморе мио! – горячо подхватил и азартно продлил излитый сердечный стон виновник его возникновения, беззастенчиво впиваясь алчно горящими черными глазами в смелое декольте пассии.

– Тише, дорогой, нас услышат! Неудобно будет! – чуть отстранившись, проявила запоздавшую осторожность дама, не сводя, однако, влекущего взора с распаленного ею кавалера. Но он, похоже, мог сейчас слышать только самого себя.

– Же тэм, ай лав ю, их либидих, аморе мио, Элен! – не в силах сдержать обуревающие его чувства, вскричал пылкий влюбленный, вскочил с дивана и упал перед обмершей на нем дамой на звучно хрустнувшее колено. Опасаясь, видимо, ее несанкционированного бегства, вновь ухватил две вяло лежащие на подоле плиссированной юбки женские руки. Комнатный полумрак повторно наполнился стонами и ахами, причмокиваниями и сдавленными возгласами: покрывая руки чаровницы поцелуями, горячий брюнет с тем же хрустом опустился на второе колено и практически лег грудью на подол, чья владелица зазывно откинулась на диванные подушки... О, да, столь интенсивное, на грани галантности и хамства, мужское внимание искусно превращает простужку последней степени закоренелости в изысканную и вечно желанную светскую львицу...

Страх опутывал легкие липкой паутиной, склеивая альвеолы в противно хлюпающие комки неуклонно сдающейся плоти... Каждый вздох давался с превеликим трудом, и лишь отчаянная жажда жизни заставляла слабееющее сознание снова и снова продираться через набирающие красочность картины грядущей расправы. О, ну почему эти мерзкие тени, неизменные обитатели шефской приемной, могут с легкостью просачиваться в любую щель и растворяться во всяком предмете. Если бы он мог, он бы влился в портьерную ткань и стал бы неотличим от нее, от ужаса позабыв форму собственного тела, отринувшись, отказавшись от его бренности и тем самым победив угрожающую ему боль или смерть... Или же вошел бы в каменную непоколебимость этой стены, в которой он уже несколько минут так безуспешно пытался найти опору... Почему, почему он не тень? Впрочем, если его здесь обнаружат, он очень быстро ею станет. Легендарная безжалостность шефа, неизбежным возмездием обрушивающаяся на голову того, кто посмел нарушить установленные им правила, никогда не вписывалась ни в какие рамки и пределы...

Повернув голову вправо, он покосился на девушку, всем телом прижавшуюся к нему, точно к спасительному кругу. Камилла... Бедняжка... Что будет с ней – как же он не подумал! И тотчас тряхнул головой, отгоняя слишком эмоциональную мысль. Было так страшно, так необходимо соблюдать тишину, что любая яркая мысль казалась непозволительно громкой. Будто не подумал, а прокричал ее вслух...

Нельзя думать только о себе. Карие глаза парня потемнели, наливаясь мрачной решительностью. Крепче сжав руку спутницы, он заставил ее взглянуть на себя.

– Что? – одними губами произнесла девушка.

Он отрицательно помотал головой. Вот именно, что? Что можно сделать сейчас во имя их спасения? Выскочить из-за шторы? Обнаружить свое присутствие и обеспечить им нечеловеческую над собой расправу? Нет уж, они останутся здесь. На столько, на сколько будет надо. Хотя никто не знает, как долго продлится ожидание. Эти уйдут, и явится еще кто-нибудь. Еще этот чертов секретарь неопределенной ориентации, но вполне определенных моральных принципов... Приемная одного из ведущих продюсеров страны редко когда оставалась пустой...

– Мирас, ну когда же они закончат... – досадливо морщась, чуть слышно прошептала девушка. Он испуганно посмотрел на нее. Да уж, храбрости ей было не занимать. Похоже, она занята не собственными переживаниями, а изысканием путей побега из их самопальной темницы. Не зря он в нее влюбился: сильные девушки вызвали в нем жгучую смесь любопытства, восхищения и поклонения. Сглотнув очередной вставший поперек горла комок страха, он легонько погладил кончиками пальцев ее узкую смуглую ладошку. У тех, кто приводит тебя в трепет, надо учиться.

– Скорее бы, у меня ноги затекли так стоять... – почти беззвучно ответил он ей. Девушка слегка опустила голову, искоса глядя на него, и улыбнулась. От ее улыбки у него захватило дух. Надо же, словно в первый раз ее увидел! Трудно привыкнуть к настоящей красоте. Огромные глаза цвета обожаемого им горького шоколада, копна черных вьющихся волос, лепной рельеф лебединой шеи, и эта хрупкость, бесконечная хрупкость... Беззащитность, скрывающая в себе недюжинную силу. Защищать того, кем восхищаешься – что может быть желанней для мужчины! И, да, она очень высокая – да, значительно выше него, но это же только плюс, он любит ее, во всем возвышающуюся над ним! Что бы по этому поводу ни говорили другие люди, ему за три года безуспешных ухаживаний за ней не удалось утратить остроту чувств. И сейчас, когда он почти выиграл главную, по его мнению, битву в своей жизни – можно сказать, завоевал ее, ЕЕ, все чуть не пошло прахом. Или готово вот-вот пойти. Ну уж нет, он будет бороться за свою победу до конца.

– Полчаса уже тут торчим! – свистящим шепотом изливала накопленное возмущение красotka. – Нашли, где обжиматься. Сейчас Шалкар придет, он им задаст...

– Да уж... – послушно вторил ей молодой человек, перед мысленным взором которого за мгновение пронеслись несколько приятнейших воспоминаний из совсем уж недавнего прошлого. Да что уж там – из практического настоящего... – Мы сами-то не лучше... – глуповатая улыбка человека, не верящего до конца в реальность выпавшего ему счастья, осветила его лицо.

– Ага! Но нам можно, мы круче всех! – с нежным сарказмом влюбленного циника изрекла мулатка и тут же резко дернула вниз руку парня, раскрывшего было рот для ответа. – Тихо. Он идет!

Даже из-за тяжелой, жадно поглощающей звуки портьеры были слышны его шаги. До того они были уверенными.

– Хозяин... – в один сдавленный голос, слегка присев на выдохе, вымолвили позеленевшие от ужаса юнцы.

Недаром у многих представителей животной фауны самец в процессе брачного возбуждения находится сверху самки. То есть там, где ему угрожает наибольшая опасность при нападении хищника. А что делать – во имя продолжения рода приходится жертвовать тем, кто после совершения дела идет гулять дальше, и сохранить ту, которая будет в течение долгих месяцев, а то и лет, заботиться не только о себе...

Соскочив с дивана, рыжеволосая мадам проявила такую ретивость, что чуть не опрокинула навзничь прильнувшего к ней кавалера. Но мужчину, обуреваемого страстью, вывести из равновесия совсем не просто по одной причине – он необыкновенно крепко вцепляется в предмет своего вожделения. Так и стояли они оба посреди бархатно-красного полумрака продюсерской приемной: она, в гордой демонстрации собственной непорочности расправившая грудь и плечи навстречу надвигающейся опасности, и он, ничего и не собирающийся отрицать из очевидности доставшегося ему положения. Коленопреклоненный Альфео, по инерции жадно тянувший на себя юбку все еще бурно дышавшей Елены, просто не успел своевременно войти в курс возникшей за его спиной ситуации. Но в ракурс перспективы, развернувшейся перед взором вошедшего в приемную Шалкара, вошел очень даже гармонично.

– Та-а-ак-так... – не сбавляя хода, тот молниеносно оценил обстановку. – Альфео, пожинаешь щедрые плоды своего темперамента? Южный аппетит утолен? Или еще только раздра-

нен? Ха-ха! – коротко и резко хохотнув, будтоогрев невидимой плетью замершую под его взглядом парочку, он стремительно скрылся за тяжелой кабинетной дверью. Удар выверенных звуков рассыпал странную композицию человеческих тел на составляющие элементы. Один из них, поднявшись на ноги, тут же заметался по роскошной клетке богатого офиса. Залившийся внезапной мертвенной бледностью в безмолвной панике Альфео вцепился в густые черные локоны на своей то поникающей к коврику, то поднимающейся к потолку голове.

– О! Он убить меня! Он убить! Я пропасть! Я любить тебя, белissima, помнить, я любить! – рождаемые порывом безудержного отчаяния иностранные слова изобильно осыпались с красивых полных губ. – О, моя белла! – подскочив к потерянно размахивающей руками пассии, он снова рухнул ей в ноги. Наверное, желание находиться у чьих-нибудь ног было у Альфео куда сильнее, чем потребность двигаться по жизни самостоятельно. Хотя, вероятно, причина постоянного низвержения в положение, промежуточное между горизонтальным и вертикальным, крылась в чем-то другом... Например, в потребности к самоотдаче, пусть и в столь странном виде, но все же свидетельствующей о способности любить.

– Милый, не бойся! – с трудом преодолевая шок от внезапного вторжения в их интимность, обрела-таки дар речи Елена. Прекратив наконец хаотично жестикулировать, она крепко обняла прильнувшего к коленям любовника. – Что ты такое говоришь! Он не тронет тебя. Он замечательный человек! Суший ангел! Шалкар всегда всех понимает! Он приветствует любовь! Он живет любовью! – не найдя слов, чтобы выразить кипящие в ней чувства, она снова лихорадочно замолотила спертый воздух руками. – Он нам всем отец и брат! Великий учитель! – ее зычный голос, давно вышедший из рамок смутного шепота, перелился в яростный фанатичный крик. – Шалкар велик, и мы все имеем честь служить ему! И ты, и я, и он – все дышит здесь любовью, но не страхом!

Не замечая изумленно выпученных глаз Альфео, на излете страстности своего монолога Елена горделивым лебедем выплыла из комнаты. Покинутый страдалец некоторое время потрясенно взирал на багровый бархат оконных штор, продолжая удерживать в вытянутых руках одному ему видимый образ выскользнувшей из них пассии. Затем как-то по-собачьи, всем телом, встряхнулся, словно скидывая с себя предыдущее настроение, поднялся с колен и на полусогнутых ногах подошел к темному прямоугольнику кабинетной двери. Глядя на узенькую, почти невидимую полосу пробивающегося из-под нее света, сглотнул и решительно постучал. Тяжелая резная дверь неслышно, сама собой отворилась, и неяркий свет облил его склоненную в официальном поклоне фигуру множеством смутных полутонов.

– Дурень, ну ты или туда, или сюда, определяйся! – раздался из глубины кабинета раздраженный мужской голос.

Обреченно вздохнув, Альфео шагнул навстречу владельцу голоса, и дверь сама собой беззвучно и плотно закрылась за его спиной.

– Ушли? – нетерпеливо встряхивая копной кудрявых волос, вопросительно прошептала Камилла.

Крепче сжав руку возлюбленной, Мирас осторожно выглянул из-за портьеры. Обведя приемную долгим изучающим взглядом, тревожно всматриваясь в каждую тень, он, наконец, чуть расслабился и кивнул.

– Ушли...

Девица тотчас выскользнула из импровизированной темницы во внешний полумрак, уверенно волоча едва успевающего за ней парня. Тени в комнате пришли в движение, закрубились вокруг ног идущих по ним людей.

– Ай! – сдавленно вскрикнула мулатка, чуть было не потеряв равновесие, когда особенно большая тень практически схватила ее за щиколотку. Посмотрев вниз, одной рукой она судорожно вцепилась в молодого человека, а другой прикрыла себе рот, сдерживая рвущиеся

из него крики. Ковра на полу не было видно! Везде, всюду вместо него двигались, извиваясь в отвратительном змеином танце, черные, темно-серые, сизые, синюшные тени! Они сгущались под каждым шагом идущих по ним людей такими плотными слоями, что становились физически осязаемыми! Высоко вскидывая ноги, балансируя при этом на цыпочках, парочка побежала к спасительному выходу из приемной.

Грохот падающего в запертом кабинете тяжелого тела звуковой стеной встал на их пути. Словно ударившись о нее, молодые люди замерли, а в следующее мгновение инстинктивно метнулись в ближайшее укрытие. Скорчившись за высокой спинкой антикварного дивана, несколько минут они переводили дыхание, тесно прижавшись друг к другу. Наконец, слегка освоившись, девушка отпустила руку возлюбленного и на четвереньках поползла из-за дивана в комнату. И почти сразу же оказалась втянутой за ногу обратно. Дверь приемной столь неожиданно и неслышно распахнулась, что только бдительность молодого человека спасла парочку от позорного обнаружения.

Вошедший в комнату молодой мужчина поражал редкостно неприятным видом: высокий, длинный, худой, с невероятно подвижными туловищем, суставами и шеей, но при этом абсолютно неподвижным лицом, обрамленным гладко прилизанными черными волосами, он до тошноты был схож с огромной смертельно опасной змеей. Черные блестящие глаза, немигающим пристальным взглядом вбуравливающиеся в пространство впереди него, усиливали это сходство.

Минуя комнату, мужчина на ходу извивался всем телом, окидывая ее цепким неподвижным взглядом. Казалось, он передвигался в пространстве не с помощью ног, но используя мускульную мощь всей своей целостности. Убедившись, что в приемной никого нет, он подошел к двери в шефский кабинет и осторожно, одним ловким жестом прикрепил к замочной скважине крошечный круглый предмет. Затем развернулся и бесшумно выскользнул из приемной, оставив дверь в нее полуприкрытой. Ничто не сдвинулось с места при его возникновении и исчезновении. Даже тени, всегда чутко реагирующие на любого, кто входил в их владения, оставались там же, где они были до появления змееподобного типа. Казалось, что они вовсе не заметили его. И только пренеприятнейшее чувство дурноты, прочно засевшее где-то в подвздошь, напоминало юным мужчине и женщине, скорчившимся за диваном: да, Геннадий действительно был здесь.

Большой прямоугольный стол из красного дерева, обитый коричневой тонкой кожей, уродливо громоздился посреди огромного кабинета с видом категорической начальственной правоты. За ним, в широком и высоком кожаном кресле, откинувшись на спинку и заложив ногу на ногу, сидел Шалкар. С молчаливой скорбью на аристократически красивом, тонком мужественном лице, с идеально подобранными друг к другу чертами и черточками, он созерцал стоящего перед ним Альфео. Итальянец, с неестественно прямой спиной и горделиво поднятой головой, соляным столбом негибачего величия вырастал прямо из кабинетного ковра. Между ним и столом сиротливо ютился маленький, низенький, неудобного вида стул. И не сразу становилось понятным, прятался ли Альфео за его немощной плотью, или использовал как препятствие для успешного разгона. Ведь известно, что мелкие барьеры, стоящие на пути сильного бегуна, не мешают ему, а добавляют сил от их покорения или же служат точкой опоры при прыжке.

– Ну, что же ты вытворяешь? – склонив набок голову, проникновенным низким голосом спросил наконец Шалкар. Непонимающее молчание Альфео приняло в себя его наполненные горечью слова, поглотило и вновь заполнило окружающее пространство. – До сих пор не можешь русский язык выучить... – со вздохом, скорее сочувствующим, чем осуждающим, Шалкар подался вперед и слегка улыбнулся. – Ну вот как с тобой разговаривать! Не звать же всякий раз переводчика, – сокрушенно качая головой, несколько секунд он всматривался

в непроницаемое лицо итальянца, продолжавшего торжественно и немо стоять в центре комнаты. Только шляпа, слегка заметно подрагивающая в опущенной к полу руке, выдавала в его окаменевшей фигуре признаки живого человеческого присутствия. Любой памятник, посмертный, а уж тем более прижизненный, должен быть соотнесен в своих габаритах с масштабом занимаемого постамент. В бесконечном размахе шалкаровского кабинета низкорослый, коренастый и подчеркнуто негибачаемый Альфео выглядел поистине трагикомично.

Кровавая искра недоброго веселья промелькнула в смоляной бездне глаз хозяина пространства.

– Как можно порочить честь этой прекрасной и почтенной дамы! – неожиданно громко, почти по слогам, выговорил Шалкар. – Она же замужем! Ты это понимаешь?

Тень легкого недоумения промелькнула по застывшему лицу Альфео и спряталась под нацепленную маску непроницаемости. Безответность, порожденная непониманием, глухой стеной стояла между артистом и продюсером. Удрученный вздох последнего упал в застоявшуюся тишину. Поднявшись из кресельных глубин, Шалкар неспешно обошел стол и почти вплотную приблизился к итальянскому визитеру.

– Твои ухаживания испортят ей репутацию, понимаешь? – наклонившись к уху Альфео, вполголоса произнес мужчина. Лицо иностранца продолжало оставаться возмутительно невозмутимым. – Да ты садись, чего стоишь, как памятник самому себе! – вернувшись в кресло, махнул рукой продюсер, приглашающим жестом поддерживая тусклую искру согласия в стоическом взгляде Альфео.

– Присаживайся, дорогой синьор, – терпеливо повторил Шалкар. Трудно быть памятником самому себе, и Альфео, скосив глаза на маячивший прямо перед ним стул, не смог устоять перед соблазном улучшить собственное положение. С неслышным вздохом облегчения он сделал шаг вперед и с достоинством присел на краешек мебельного уродца. Откинувшийся в кресле Шалкар с явным удовольствием созерцал неудобно сидящего напротив него несуразного человечка, который умудрялся, несмотря ни на что, сохранять величественность своей осанки. Правда, сохранял он ее недолго. Сизая тень, пролезшая за спиной Альфео в кабинет из-под двери в приемную, обвилась вокруг одной из ножек утлой мебели, и та внезапно и с хрустом подломила. Ни один из памятников не способен сохранить равновесие, когда стоящий под ним пьедестал проваливается в тартарары. Упавший навзничь итальянец продемонстрировал миру хлипкие подметки порядком поизносившейся обуви, в качестве бонуса за эффектное падение заработав приличный ушиб копчика. Боль обладает чудотворной стимулирующей силой, воскрешая к жизни по всем параметрам безжизненные тела. Вскочив на ноги, держащийся за филейную часть артист с совершенно живым негодованием уставился на бесстыдно валяющийся у его ног разломанный стул.

– Ostia!!! – категорически непечатной итальянской лексикой он изрыгнул на несчастную мебель переполнявшее душу праведное негодование. – Ostia!!! – обуреваемый шквалом до сей поры сдерживаемых эмоций, Альфео яростно набросился на останки стула, стремясь, очевидно, стереть всяческие доказательства своего позора с лица земли. Увы, подобное желание зачастую только усугубляет следы происшедшего, превращая их в настоящие того последствия.

– Ох, ах! – в ноту его рычанию вскричал Шалкар, не покидая, однако, удобства своего кресла. Глядя на Альфео, извивающегося от боли на ковре среди обломков уничтоженного-таки стула, он поднял телефонную трубку. Она ответила ему неразбавленной посторонними шумами тишиной.

– Геннадий! ГЕННАДИЙ!!! – трагически возопил продюсер в плотную пустоту потустороннего от его аппарата пространства.

– Кажется, тихо... – задиванное женское шипение заставило комнатные тени встрепенуться и беспорядочно задвигаться по полу. – Пошли уже...

– Подожди, я первый... Осмотрюсь... – сурово зашпорил с ним глухой мужской шепот.

Послышались звуки перемещающихся тел – то ли борьбы, то ли объятий... Женская голова в облаке мелких черных кудрей показалась из-за спинки дивана. И сразу исчезла, сверкнув недоуменно-гневными глазами.

Дверь в приемную бесшумно распахнулась, пропуская омерзительно змееподобного мужчину. Разрезая пространство извивающимся в едином литом движении телом, в один бросок он преодолел приемную и оказался у кабинетной двери. Прежде чем открыть ее, он молниеносным движением руки сорвал с замочной скважины крошечный круглый предмет и неуклюжим жестом опустил его в карман плотно прилегающих брюк.

Мгновенно оценив обстановку, он проскользнул к корчившемуся у стола Альфео, попутно разгребая обломки разнесенного стула. Пытаясь поставить горемыку на ноги, неуклюжимо поморщился, натолкнувшись на его оглушительный вопль.

– Боже мой, как же вас угораздило так упасть, синьор, – слащавый лепет Геннадия подчеркнуто дисгармонировал с его хлыстообразной фигурой. – Вы же сломали ногу. Правда сломали? – нагнувшись, спасатель с излишней заботой стиснул левую голень итальянца.

– ААААААААА!!! – взвился под потолок истошный крик Альфео.

– Сломал ногу, – отрешенным тоном подытожил Шалкар, развалившись в кресле и закинув на стол ноги, обутые в стильные черные казаки с золочеными шпорами. – В больницу его, Гена... Не беспокойтесь, любезный! – мягко улыбаясь, Шалкар пару минут созерцал явленную ему драматическую сценку, затем неторопливо поднялся с кресла и подошел к испуганно замолкшему в руках Геннадия страдальцу. Взяв обе руки Альфео в свои ладони, Шалкар долго и пристально всматривался в полные скрытой надежды и нескрываемого вызова южные глаза. – Я лично оплачу вам лечение у первоклассных специалистов. Будете еще танго танцевать!

Повернувшись к подобострастно улыбающемуся ему ужеобразному мужчине, внушительно и строго произнес:

– Позаботься о человеке. Тем более что он влюблен. Влюбленные о себе заботиться не умеют.

– Как скажете, господин, – сложившись в глубоком поклоне, пролепетал Геннадий. – Я его сейчас отправлю в клинику вместе с Эриком, а следом сам приеду и все проконтролирую.

– Да-да... – совершенно потерявшийся в калейдоскопе пережитых и переживаемых ощущений и чувств, выдавил из себя Альфео. – Я понимать... Вы правда ангел. Спасибо...

– Ты успел использовать жучка? – не глядя на вошедшего, спросил хозяин офиса. Взгляд Шалкара рассеянно блуждал по переливчатому бархату бордовых портьер, надежно занавешивающих единственное в комнате окно.

– Да, господин, – бесстрастно ответил Геннадий, склонив голову в кратком поклоне. Сейчас его голос был вовсе не похож на лепет испуганного прислужника, а звучал столь неестественно плоско и безличностно, что невозможно было определить, мужчине или женщине он принадлежит.

– Всегда используй сильные стороны человека для того, чтобы его ослабить. При умелом подходе любовь становится страшным оружием против души, ее испытывающей. А любовь, выстраданная в боли, наиболее эффективна. Ради добытого в страдании чувства человек, ведомый гордыней, идет на любые жертвы. И жертвует он не во имя любимого. А ради себя, «великого», – не сводя глаз с тяжелых штор, Шалкар выдержал долгую мрачную паузу и затем продолжил. – Когда решается судьба мира, противостоять добру надо его же оружием. Слушай и учись, Дамбалла. Обратной дороги не будет.

– Да, господин, – безжизненный голос Геннадия прозвучал сухо и резко, как взводимый курок. В кабинете вновь повисла гнетущая плотная тишина.

Помолчав вместе с шефом и не получив указаний, он направился было к двери.

– Пусть эти двое из-за дивана выйдут, наконец, – Шалкар сдержанно ухмыльнулся. – Или ты их там целую вечность продержать собрался, а, Дамбалла? Они успели взять деньги?

– Ждал ваших распоряжений, господин. Не успели, я их спугнул, разжигая азарт, – пустынным ветром прошелестел вмиг вернувшийся на прежнее место Геннадий-Дамбалла.

– Молодец... – довольно ухмыльнулся Шалкар. – И не забудь заснять кражу. Надо использовать все средства, чтобы они и думать не смели перейти к Амадео. Подожди-ка... – Шалкар поднял руку в повелительном жесте. Выждав сорок секунд, Шалкар опустил руку на стол. – Все, иди. Неповоротливая нынче молодежь пошла. Сбежать с места преступления вовремя не умеют. Разберись с ними по плану. Его озвучу тебе чуть позже.

Геннадий беззвучно кивнул.

– Кстати, а наш лже-аристократ где утром шатался?

– Он пошел к парикмахеру из Франции, – сипло ответил Геннадий. – Месяц ждал своей очереди! – внезапно он неприятно, мелко, по-старушечьи засмеялся.

– Вот урод! А я еще его к себе в секретари нанял! – поморщившись, Шалкар смахнул с лацкана пиджака прилепившуюся к нему деревянную щепку от разнесенного Альфео стула и вновь водрузил обутые в казаки ноги на письменный стол. – Месяц ждал! Подумать только! Какой-то лох приперся из Франции к нам, там на фиг не нужен, здесь приживается. А этот раздолбай понес к нему свои денежки! Не мужик, а баба какая-то! – идеально красивое лицо Шалкара скривилось в саркастической улыбке.

– Раздолбай! – оживлено подхватил слова шефа Геннадий и пересыпал возникшую паузу горстью колючих смешков. – И точно баба! Я видел его с... – извиваясь всем телом, он проскользнул поближе к Шалкару и угодливо склонился к его уху.

– Да-а-а?! – делано удивленно протянул тот, а затем разразился громовым хохотом. – Признаю, иногда ты меня радуешь!

С бесцветной улыбкой на лице Геннадий склонился в низком поклоне.

– А почему только с ним? – резко прервал собственное веселье Шалкар. – Я же тебе приказывал его в серию поставить. Дамбалла, одним-единственным соблазном человека очертить нельзя. Нужно заставить его совершить подряд несколько мелких, потом крупных ошибок, а затем и злодеяний. Ты понял?

– Да, господин, – отозвался Геннадий сухим шелестом облетевших листьев.

– Но и этот мизерный фактик мы непременно используем! При его-то громком имени эффект будет обеспечен! Добился славы, мудак, шел по головам, теперь получай свое, знаменитость гребаная! Думают, ради славы все средства хороши... – Шалкар задумчиво посмотрел куда-то вдаль сквозь Геннадия. – Хотя... пусть думают. На то и мы здесь. Правда, Генка? – развеселившись, он подозвал к себе Дамбаллу и с размаха приложил его ладонью ниже пояса.

Никак не отреагировав на этот выпад, Геннадий остался на месте и отстраненно изрек:

– Ваша правда, босс.

– Доказательства? – Шалкар лукаво сощурил правый глаз и поглядел им в щель, образовавшуюся между сложенными домиком ладонями. Затем расцепил руки и протянул одну навстречу чрезвычайно бледной и узкой руке Геннадия. Наклонившись, Дамбалла осторожно вложил в нее маленький круглый предмет.

Направив на него свой по-прежнему сощуренный глаз, Шалкар снова рассмеялся:

– А-а-а! Микрокамера! Отлично! Ты разыскал поставщика – того, что я велел?

– Не того, – отведя глаза, ответил двуименный змееподобный мужчина. – Другого. Того уже посадили.

– Уже? Так быстро? – Шалкар картинно вскинул брови. – Система работает все лучше и лучше!

Потеряв интерес к круглому предмету в руке, он небрежно уронил его на стол. Но микрокамера не успела коснуться его кожаной поверхности, будучи перехваченной быстрым, почти невидимым движением Геннадия-Дамбаллы. Поймав на лету крошечное записывающее устройство, он столь же неуловимым скользящим жестом спрятал его в нагрудный карман.

– Кста-ти, – размеренно, слог за слогом, обронил в кабинетный полумрак Шалкар. – Сделай так, чтобы малой застукал свою девицу наедине с перевоплощенным Казановой. Как сделать, решай сам. Не все же мне сценарии писать. Тем более что с людьми это делать в полной мере не дают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.